

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2023. Том 19, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-исторические и публично-правовые науки

- Дробот С. Е.* Указное право в механизме конституционной модернизации 5
- Макарцев А.А.* К вопросу об отказе в регистрации кандидатов на основании причастности к деятельности экстремистских организаций 16
- Храмов Д.С.* Становление и развитие организационно-правовых основ санитарно-эпидемиологической службы России 25

Частно-правовые (цивилистические) науки

- Лисица В.Н.* Гражданско-правовые средства в механизме правового регулирования инвестиционных отношений 32
- Горина Н. В.* К вопросу об охране авторских прав в сети Интернет 39
- Горожанкина М.А.* Правовые особенности организации системы обязательного медицинского страхования: сравнительно-правовой аспект 46

Уголовно-правовые науки

- Боровских Р. Н., Шатохин М. Ю.* Уголовная ответственность за мелкое хищение: декларируемые цели и фактические смыслы 52
- Нехороших М.Е.* Развитие системы проверочных производств в уголовном процессе России 61
- Макаров Р. А.* Расследование хищений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: обзор криминалистических методик и направления изучения 68
- Информация для авторов 76

JURIDICAL SCIENCE AND PRACTICE

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

2023. Volume 19, № 1

CONTENTS

Theoretical and Historical Legal Sciences

- Drobot S. E.* Decree Law in the Mechanism of Constitutional Modernization 5
- Makartsev A. A.* On the Issue of Refusal to Register Candidates on the Basis of Involvement in the Activities of Extremist Organizations 16
- Khramov D. S.* Formation and Development of Organizational and Legal Foundations of Sanitary and Epidemiological Service of Russia 25

Private Law (Civilistic) Sciences

- Lisitsa V. N.* Civil Law Means in the Mechanism of Legal Regulation of Investment Relations 32
- Gorina N. V.* On the Issue of Copyright Protection on the Internet 39
- Gorozhankina M. A.* Legal Features of the Organization of System of Compulsory Medical Insurance: A Comparative Legal Aspect 46

Criminal Law Sciences

- Borovskikh R. N., Shatokhin M. Y.* Criminal Liability for Petty Theft: Declared Purposes and Actual Meanings 52
- Nekhoroshikh M. Ye.* Development of a System of Verification Proceedings in the Criminal Procedure 61
- Makarov R. A.* Investigation of Theft Committed with the Use of Information and Telecommunication Technologies: A Review of Criminalistic Methods and Directions for Studying 68

- Instructions for Contributors 76

Editor in Chief V. N. Lisitsa *Associate Editor* N. I. Krasnyakov
Executive Secretary E. R. Voronkova

Editorial Board of the Series

O. I. Andreeva, V. A. Boldyrev, V. S. Kamenkov, M. I. Kleandrov, S. V. Kodan, I. A. Kravets
E. V. Korotysh, I. D. Kuzmina, A. A. Makartsev, D. S. Murtazakulov, N. V. Omelyokhina
V. I. Plokhova, S. G. Proskurin, V. N. Rudenko, N. V. Shchedrin, T. V. Shepel
V. L. Tolstykh, A. V. Tsikhotsky, E. P. Voytovich, E. A. Zhegalov

Editorial Board of the Journal

M. P. Fedoruk (Chairperson), S. G. Sablina (Vice-Chairperson), D. V. Churkin (Vice-Chairperson)
M. M. Lavrentyev (Vice-Chairperson), A. V. Arzhannikov, S. S. Goncharov, V. S. Diev, V. I. Molodin, G. M. Mkrtchyan
O. N. Pervushina, M. K. Timofeeva

*The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press*

The address for correspondence

Law Department, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
Tel. +7 (383) 363 42 54

E-mail address: pravo@vestnik.nsu.ru; urfakngu@yandex.ru

On-line version: <http://elibrary.ru>

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 1
Juridical Science and Practice, 2023, vol. 19, no. 1

Научная статья

УДК 342.5

DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-5-15

Указное право в механизме конституционной модернизации

Семен Евгеньевич Дробот

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

dse1991@rambler.ru

Аннотация

В статье проанализировано влияние указного права на процесс преобразования политических институтов современной России, рассмотрена практика функционирования российского президентства в части определения им приоритетных направлений развития государства, национальных целей и модернизации конституционного пространства России. В исследовании поднята проблема соотношения такой практики с доктринами либерального республианизма и разделения властей. Автором предпринята попытка показать, что феномен указного права имеет прогрессивное значение для конституционного развития России и может быть направлен на расширение применения форм делиберативной демократии в отечественном конституционализме. Делается вывод о необходимости совершенствования контроля исполнения программно-политических актов главы государства президентской администрацией и введения гарантий участия юридического научного сообщества в процессе обсуждения конституционных поправок.

Ключевые слова

глава государства, президент, конституционная модернизация, указы президента, разделение властей, делиберативная демократия

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00627, <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> («Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы»)).

Для цитирования

Дробот С. Е. Указное право в механизме конституционной модернизации // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 1. С. 5–15. DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-5-15

Decree Law in the Mechanism of Constitutional Modernization

Semyon E. Drobot

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia

dse1991@rambler.ru

Abstract

The article analyzes the influence of the decree right on the process of transforming the political institutions of modern Russia, considers the practice of the functioning of the Russian presidency in terms of determining the priority directions for the development of the state, national goals and modernization of the constitutional space of Russia. The study raises the problem of the correlation of this practice with the doctrines of liberal republicanism and the separation of powers. The author made an attempt to show that the phenomenon of decree law has a progressive significance for the constitutional development of Russia and can be aimed at expanding the use of forms of deliberative democracy in domestic constitutionalism. It is concluded that it is necessary to improve the control over the implementation of the program and

political acts of the head of state by the presidential administration and the introduction of guarantees for the participation of the legal scientific community in the process of discussing constitutional amendments.

Keywords

head of state, president, constitutional modernization, presidential decrees, separation of powers, deliberative democracy

Funding

The study was funded by Russian Science Foundation according to the research project No. 23-28-00627, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00627/> ("Communicative constitutionalism and constitutional mobilization: the problem of deliberative participation in the public and information space and the transformation of the public power system (concepts, norms and institutional mechanisms)").

For citation

Drobot S. E. Decree Law in the Mechanism of Constitutional Modernization. *Juridical Science and Practice*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 5–15. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-5-15

Конституционную модернизацию можно рассматривать в качестве процесса, сочетающего в себе политические и правовые элементы и процедуры в границах информационного, политического и правового пространства России в период разработки, принятия и адаптации конституционных поправок 2020 г. Отечественная традиция рассматривает главу государства в качестве основного субъекта конституционной политики, посредством указного нормотворчества вовлекающего в ее реализацию высшие органы государства и институты гражданского общества. В этой связи с позиций эффективности, а также доктрины делиберативного конституционализма, предполагающей демократическое вовлечение в процесс преобразования конституции, требуется выявить роль указного права в механизме конституционной модернизации.

И. А. Кравец, анализируя конституционную реформу 2020 г. и опираясь на концепцию децизионизма К. Шмитта, отмечает, что глава государства выступает субъектом учредительной власти, поскольку именно он инициировал новый прямо не предусмотренный Конституцией РФ порядок принятия и вступления в силу конституционных поправок [1, с. 8]. Такая постановка вопроса позволяет говорить о президентском суверенитете по аналогии с парламентским суверенитетом в британском конституционализме или монархическим суверенитетом в России пореформенного периода 1906–1917 гг. Российская модель разделения властей и республиканской формы правления во многом близка смешанной модели, однако имеет специфические особенности, способствующие усилению президентской власти в системе разделения властей и формированию президентского конституционализма. Наиболее нетипичной для либерального республиканизма и разделения властей конституционной функцией президентства, распространенной в некоторых государствах на постсоветском пространстве, является определение основных направлений внутренней и внешней политики. Такая функция закреплена за Президентом РФ в статье 80 Конституции РФ, аналогичные положения содержатся в конституционных текстах Казахстана (статья 40) и Таджикистана (статья 69). В странах с республиканской формой правления такая функция, как правило, присуща либо парламенту (например, в Белоруссии, Грузии, Кыргызстане, Молдавии, Туркменистане, Узбекистане, Украине), либо правительству, формируемому на основе парламентского большинства (Армения, Болгария, Греция, Словакия, Франция, ФРГ). Во многих конституционных государствах такая функция вообще не закрепляется за каким-либо органом государственной власти, поскольку современные модели разделения властей предполагают ту или иную степень независимости ветвей власти в рамках закрепленной за ними компетенции.

В Российской Федерации реализация программно-политической функции главы государства осуществляется, во-первых, посредством обращения Президента РФ к Федеральному Собранию с ежегодными посланиями о положении страны, об основных направлениях внутренней и внешней политики, во-вторых, через издание программно-политических указов. Такими указами задаются ориентиры для органов всех ветвей публичной власти в целях выполнения

ими их конституционных функций. Кроме того, расширительное толкование конституционных функций Президента РФ позволяет издавать указы, направленные на преобразование правовой системы страны по широкому, выходящему далеко за пределы исполнительной власти кругу вопросов, восполняющие пробелы в федеральном законодательстве. При этом Конституционный Суд РФ отметил, что Конституция РФ устанавливает обязательность для всех органов публичной власти основных направлений внутренней и внешней политики государства, определяемых в соответствии с ее статьей 80¹, поэтому можно сделать вывод об обязательности основных направлений политики, определяемых главой государства, для всех без исключения ветвей власти. Представляется, что развитие института программно-политических и исполняющих указов главы государства способствует трансформации принципа разделения властей в сторону его понимания как «разделения труда», где все органы государства каждый в своей области проводят в жизнь решения верховного органа власти.

В отечественной научной литературе исполняющие указы получили название «указного права», которое в целом оценивается отрицательно [2, с. 470]. Л. А. Окуньков подчеркивает, что такие указы характерны для стран с дуалистической монархией, где глава государства является субъектом законодательной власти [3, с. 59–60]. Конституция РФ 1993 г. не закрепила подзаконный характер президентского нормотворчества, а лишь указала на недопустимость противоречия актов главы государства федеральным законам. Развитию «указного права» поспособствовал и отказ разработчиков Основного закона РФ от института контрасигнатуры президентских актов. В зарубежных государствах правовые акты президента – указы, распоряжения, декреты, как правило, издаются главой государства в целях реализации его конституционных полномочий, при этом в парламентской республике такие акты чаще всего носят ненормативный характер, а нормативные акты скрепляются подписью премьер-министра и (или) ответственного министра [4, с. 45]. Контрасигнатура не чужда и смешанным республикам. Так, во Франции акты Президента Республики, кроме предусмотренных в статьях 8 (абзац первый), 11, 12, 16, 54, 56 и 61 Конституции, подлежат контрасигнации Премьер-министром и в случае необходимости ответственными министрами. О необходимости введения контрасигнатуры актов главы государства в России говорят многие отечественные ученые-конституционалисты [5, с. 143; 6, с. 30], но она не введена в конституционный текст и после поправок 2020 г.

На наш взгляд, указное право не находит основания в доктрине либерального республиканства, основанного на идее баланса властного каркаса, где все властные институты наделены инструментами правового противодействия другим властным субъектам в случае посягательства с их стороны на базовые конституционные ценности. Современный российский конституционализм в период начала своего формирования в 1993 г. и последующего развития сохранил собственные, нелиберальные, автохтонные черты, которые, прежде всего, проявляются в механизме организации государственной власти с опорой на исторические традиции отечественной государственности и социокультурные ценности многонационального народа России. Так, И. А. Кравец говорит о формировании системы президентского конституционализма, когда глава государства формирует широкую социально-политическую и правовую матрицу понимания и актуализации конституционных норм и принципов в различных сегментах правовой системы страны [7, с. 4–7]. Традиционно такая роль главы государства во властной системе многими отечественными исследователями критически оценивается с позиций либерального конституционализма. По мнению А. А. Арутюняна, большинство постсоветских стран – членов СНГ, включая Россию, фактически выстраивают суперпрезидентскую республику, основанную на дисбалансе властного каркаса в сторону усиления президентской власти и персоналистского режима [5, с. 104, 138–140]. С точки зрения М. А. Краснова, институт

¹ По делу о проверке конституционности пункта 100 Регламента Правительства Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2006 года № 9-П // Рос. газета. – 06.12.2006. – № 274.

президентства стремится приобрести не свойственные его природе монархические качества, а процесс приобретения таких качеств именуется «монархизацией» президентской власти [8, с. 87]. Е. А. Лукьянова вообще называет отечественную форму правления выборной монархией с системой престолопреемства [9, с. 6]. Однако, по нашему мнению, в контексте ценностного измерения указное право следует рассматривать с позиции его влияния на укрепление российской государственности. Конституция РФ связывает именно с государством развитие и защиту конституционных ценностей. Так, провозглашая права человека в качестве высшей ценности, Основной закон акцентирует внимание на государстве как субъекте процесса признания, соблюдения и защиты прав человека. В этой связи укрепление российской государственности и сильное государство выступают факторами развития общества и человека. Указное право в России исторически выступало важнейшим звеном в механизме модернизации социально-политического и социально-экономического строя. В отечественной истории, значительная часть которой относится к монархическому периоду, традиционным преобразователем и регулятором государственного строя выступал монарх – глава государства. К числу основных преобразовательных средств монархической власти относились высочайшие указы и манифесты, издававшиеся по широкому кругу вопросов, включая учреждение различных государственных органов и реформирование общественного и социального строя страны. Е. А. Лукьянова, анализируя историю становления и развития указного права, отмечает, что указы как источники права появились на Руси еще до образования единого централизованного государства, а затем были использованы при создании Судебника 1497 г. [10, с. 55–67]. В период между судебниками 1497 и 1550 гг. и Соборным Уложением 1649 г. действовали «Новоуказные статьи». При этом судебники не уничтожали прежде данных великокняжеских уставных грамот, а допускали их сосуществование [11, с. 17]. Колоссальную роль в государственном управлении приобрели указы в период преобразовательных реформ Петра I [12, с. 52]. Такие крупномасштабные преобразования социального строя государства, как дарование вольности дворянству, а также освобождение крепостных крестьян осуществлялись в форме высочайших манифестов – актов монарха. В дореволюционной науке государственного права исследование роли актов монарха в государственных преобразованиях также нашло отражение. Так, Б. А. Кистяковский подразделял все высочайшие манифесты на законодательные и манифесты-декларации, содержащие программные положения [13, с. 520–521]. Программные манифесты суть законы, но принимались по другой, более упрощенной по сравнению с законом, процедуре, так как они являлись актами непосредственного выражения воли монарха, были обращены к народу, поэтому не нуждались в обсуждении на Государственном совете. По мнению ученого, такие манифесты имели громадное принципиальное значение, поскольку указывали программу для будущей законодательной деятельности.

Реформирование российской государственности на конституционных началах в 1905–1906 гг. не изменили прогрессивной роли указного нормотворчества и сделали его важным инструментом конституционных преобразований – утверждение актом императора Основных законов Российской Империи 1906 г., которые рассматриваются многими конституционалистами в качестве первой, октроированной (дарованной) конституции России. Конституционное развитие России в условиях постсоветской реальности также связано с участием лидера государства в конституционных преобразованиях. Как отмечает И. А. Кравец, в условиях президентского конституционализма глава государства имеет политическую возможность инициировать не только реформы в различных областях государственной и общественной жизни, в различных отраслях права, но и быть решающим субъектом конституционной модернизации [7, с. 4–7]. Ученый указывает на то, что конституция несет в себе символический ген традиции об опыте конституционных преобразований [14, с. 4]. В период конституционного кризиса 1993 г. в Российской Федерации сказалось большое влияние первого Президента РФ Б. Н. Ельцина на ход разработки нового конституционного проекта и на последующее принятие Конституции РФ на всенародном референдуме, отражающей победу Президента РФ

в противостоянии с Верховным Советом РФ, что наложило отпечаток на конституционализацию разделения властей и принципы взаимоотношений законодательной и исполнительной ветвей власти. В 2008 и 2014 гг. по инициативе Президента РФ осуществлены конституционные реформы, затрагивающие вопросы взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти, судебной системы и организации прокуратуры, формирования Совета Федерации. Конституционная реформа 2020 г. также инициирована главой государства, но в отличие от предшествующих этапов реформирования Конституции 1993 г., конституционная модернизация 2020 г. ознаменована президентскими предложениями, вносящими коррективы в сам порядок внесения конституционных поправок. В этой ситуации глава государства выступил источником учредительных полномочий [1, с. 4]. Распоряжением Президента РФ от 15.01.2020 создана рабочая группа по подготовке предложений о поправках в Конституцию РФ, в которую вошли представители гражданского общества, что расширило формы участия граждан в процедуре обсуждения изменения Основного закона РФ². По предложению Президента РФ внесены положения о предварительном судебном конституционном контроле поправок и проведении общероссийского голосования по вопросу их одобрения, что способствует развитию конституционных положений.

Предварительный нормоконтроль усиливает механизм охраны конституции и направлен на реальное обеспечение конституционного предписания о том, что никакие иные положения конституции не могут противоречить основам конституционного строя, поскольку до 2020 г. ни один властный институт не был наделен правом оценки поправок на соответствие основным конституционным принципам. Проведение общероссийского голосования вновь актуализировало развитие форм делиберативной демократии. Введение общероссийского голосования в число стадий конституционного процесса реформирования конституции по инициативе Президента РФ развивает конституционные положения о формах непосредственного участия народа в осуществлении своей власти. Конституция РФ в своих главах (4–8) подробно раскрывает механизмы представительной демократии, связанной с организацией и функционированием органов государственной власти, однако ощущается недостаток конституционного регулирования форм непосредственного участия граждан в принятии решений. Относительно оценки института общероссийского голосования в науке не сложилось единого подхода. Т. Я. Хабриева, А. А. Клишас указывают на то, что длительность действия норм Закона РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ (далее – Закон РФ о поправке к Конституции РФ)³, устанавливающего обязательность проведения голосования для легитимации поправок, не определена, в связи с чем возможно применение этих положений в будущем в случае очередной конституционной реформы [15, с. 237–238]. И. А. Кравец относит институт общероссийского голосования к элементам делиберативного конституционализма, применяемого в специальном одноразовом порядке (*ad hoc*), и говорит о перспективах практики делиберативного участия на различных территориальных уровнях Российской Федерации [16, с. 15]. Делиберативная демократия связана с коммуникативным типом власти, где порядок выработки управленческих решений предполагает обоснование предлагаемого варианта решения через дискуссию и согласительные процедуры, в которых участвуют как публичная власть, так и адресаты властного предписания [17, с. 86]. В основе делиберативной демократии заложена идея о необходимости достижения социального консенсуса [18, с. 15]. Социальный состав рабочей группы по подготовке предложений по изменению Конституции был весьма разнообразен, включал в себя представителей как ор-

² О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации: распоряжение Президента Российской Федерации от 15.01.2020 № 5-рп // Собрание законодательства РФ. 2020. № 3. Ст. 251.

³ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ // Рос. газета. 16.03.2020. № 55.

ганов власти, так и гражданского общества от науки и образования, культуры, здравоохранения, профессиональных союзов, которые представили широкий спектр позиций относительно реформирования Основного закона РФ. Однако ни Указом Президента РФ⁴, ни Законом РФ о поправке к Конституции РФ не предусмотрены формы и гарантии всенародного обсуждения проекта конституционных поправок за пределами президентской рабочей группы. Так, И. А. Кравец отмечает, что сохраняется дефицит форм и способов участия граждан в учредительной власти, которые необходимо расширять посредством вовлечения граждан в процесс разработки и принятия как конституционных поправок, так и новой конституции, в том числе посредством использования информационных технологий и интернет-пространства [19, с. 55]. Указное право могло бы восполнить недостаток цифрового и информационного обеспечения институтов демократического участия граждан в процессе конституционной модернизации и принятии иных публично значимых решений. Определенной основой для прогресса в вопросе участия граждан в принятии публично значимых решений выступила платформа «Российская общественная инициатива», когда в 2013 г. Указом Президента РФ были определены правила рассмотрения общественных инициатив граждан РФ по вопросам социально-экономического развития страны и государственного управления⁵. Однако указанные правила связывают положительное экспертное заключение по представленным инициативам с их соответствием положениям Конституции РФ, что делает невозможным выдвижение инициатив об изменении Конституции РФ. Полагаем верным внести изменения в правила рассмотрения общественных инициатив, установив возможность внесения предложений, касающихся пересмотра конституции и внесения конституционных поправок.

Посредством указного права осуществляется не только преобразование самого конституционного пространства, но и развитие конституционных положений в различных сферах правового порядка, мобилизация усилий органов законодательной и исполнительной власти по реализации конституционной политики, выполнению конституционных целей и функций публичной власти. В рамках реализации своей программно-политической функции Президент РФ издал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»⁶, определяющий приоритетные национальные проекты в социально-экономической и социально-культурной сферах по 12 направлениям стратегического развития. В начале предыдущего конституционного срока полномочий Президента РФ глава государства также определил стратегические цели развития страны в «майских указах». В отдельных странах на постсоветском пространстве, где центр принятия стратегических решений в области политического и социально-экономического развития государства расположен за пределами парламента, в президентских структурах, преобразования государственности осуществляются посредством президентских стратегических инициатив, утверждаемых программными указами. Так, в Республике Узбекистан принята Стратегия развития Узбекистана на 2022–2026 годы, предусматривающая: 1) построение гуманного государства путем возвышения чести и достоинства человека и дальнейшего развития свободного гражданского общества; 2) реформирование правовой системы; 3) развитие социальной сферы; 4) совершенствование экономической модели; 5) обеспечение национальных интересов в разрешении

⁴ О назначении общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 17.03.2020 № 188 // Рос. газета. 19.03.2020. № 59.

⁵ О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»: Указ Президента Российской Федерации от 04.03.2013 № 183 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 10. Ст. 1019.

⁶ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 // Рос. газета. 09.05.2018. № 97.

глобальных проблем современности⁷. В Туркменистане главой государства представлены программы по социально-экономическому развитию государства на 2022–2052 годы⁸. В Республике Казахстан действует Стратегический план развития Республики Казахстан до 2025 года, утвержденный Указом Президента Республики Казахстан⁹. План запускает процессы третьей модернизации страны и ставит задачи по ускоренному экономическому росту.

Реализация конституционных целей государства и развивающих их положений, содержащихся в программно-политических актах Президента РФ, возлагается на все органы публичной власти и, прежде всего, органы исполнительной власти, в связи с чем требуется совершенствование механизма контроля и привлечения их к ответственности за ненадлежащее исполнение президентских стратегических документов. В практике взаимоотношений Президента РФ и Правительства РФ сложилось разделение сфер деятельности этих органов государственной власти, где первый отвечает, прежде всего, за оборону, безопасность и внешнюю политику, а второй – за социально-экономическое развитие страны. Вряд ли такую модель можно считать конституционно обоснованной. Основной закон РФ относит к функциям главы государства определение основных направлений внутренней и внешней политики. Внутренняя политика включает вопросы и социально-экономического и социально-культурного характера, поэтому контроль исполнения приоритетов социально-экономического развития страны – обязанность главы государства. Основная институциональная проблема президентского контроля деятельности органов исполнительной власти состоит в отсутствии должного размежевания главы государства и структур исполнительной власти. На Правительство РФ и федеральные органы исполнительной власти возлагается полномочие по разработке проектов президентских указов в соответствующих сферах государственного управления. Отчет органов федеральной исполнительной власти о своей деятельности представляется главе государства, который оценивает их работу, во многом исходя из показателей, представленных самой исполнительной властью, поэтому требуется совершенствование статуса президентской администрации как параллельного исполнительной власти государственного органа, способного самостоятельно осуществлять сбор информации и оценивать эффективность реализации органами исполнительной власти президентских программ. В настоящее время в структуре администрации Президента РФ можно выделить три основных блока подразделений: 1) общие вспомогательные подразделения (канцелярия, управление пресс-службы и информации, служба протокола, управление информационного и документационного обеспечения, управление по работе с обращениями), которые обеспечивают сопровождение деятельности главы государства как органа власти; 2) управления, способствующие реализации отдельных конституционных полномочий Президента РФ (управления по обеспечению конституционных прав граждан, по вопросам государственной службы и кадров, по государственным наградам); 3) подразделения, отвечающие за отдельные отрасли государственного управления (управление научно-образовательной политики, управление по внешней политике, управление по развитию информационно-коммуникационных технологий и инфраструктуры связи и др.). Однако третий блок подразделений

⁷ О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы: Указ Президента Республики Узбекистан от 28.01.2022 № УП-60 // Официальный сайт Президента Республики Узбекистан. Режим доступа: <https://president.uz/ru/lists/view/4954> (дата обращения: 14.03.2023).

⁸ Утверждена Программа Возрождения новой эпохи могущественного государства: Национальная программа социально-экономического развития Туркменистана на 2022–2052 годы // Туркменистан сегодня: государственное информационное агентство Туркменистана. Режим доступа: <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/60781/utverzhdjena-programma-vozhrozhdenie-novoj-epohi-mogushchestvennogo-gosudarstva-nacionalnaya-programma-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-turkmenistana-v-2022-2052-godah> (дата обращения: 14.03.2023).

⁹ Указ Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 года № 636 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs (дата обращения: 14.03.2023).

не охватывает все сферы государственного управления. Для наиболее эффективного президентского контроля необходимо создание параллельных федеральным органам исполнительной власти подразделений администрации Президента РФ по основным приоритетным направлениям, указанным в программно-политических указах главы государства и установления ими коммуникации с правительственными структурами. К числу возможных подразделений президентской администрации, требующих институционализации, можно отнести: управление сельского хозяйства и развития сельских территорий; управление промышленности, в особенности оборонно-промышленного комплекса; управление вопросов стратегического развития здравоохранения; управление финансовой политики; управление экономического развития; управление государственной культурной политики. Данные подразделения президентской администрации могли бы не только формулировать предложения главе государства для определения им соответствующих приоритетных направлений развития соответствующих отраслей, но и осуществлять контроль деятельности федерального правительства и федеральных органов исполнительной власти, готовить экспертные заключения на поступающие из Правительства документы, связанные с реализацией приоритетов социально-экономического развития, собственные (альтернативные правительственным справкам и отчетам) аналитические и справочные материалы главе государства для последующей оценки деятельности Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти, а также проводить совещания с участием руководителей федеральных органов исполнительной власти в целях выполнения ими программно-политических указов и поручений Президента РФ.

Таким образом, указное право и преобразующая роль главы государства позволили вовлечь в процесс конституционной модернизации не только высшие политические органы государства, но и институты конституционного правосудия, гражданского общества, а также непосредственно граждан РФ. При этом практика определения стратегии развития государства актами главы государства укоренена в отечественной истории, соответствует российским государственно-правовым традициям с доминированием исполнительной власти в системе разделения властей и во многом связана с воспроизводством несвойственного либеральному республиканизму пониманию места и роли института президента в системе государственной власти как главного субъекта конституционной модернизации. Функция Президента РФ как главного регулятора государственного строя и субъекта конституционно-политических и социально-экономических преобразований оправдана необходимостью модернизации и укрепления государственности. Избранный с использованием мажоритарной системы абсолютного большинства глава государства имеет высокое народное доверие, мандат на определение государственного курса, однако демократические основы современной российской государственности и развитие информационных технологий требуют вовлечения в процесс принятия фундаментальных (конституционных) решений непосредственно граждан, представителей всех институтов гражданского общества, в связи с чем требуется расширение делиберативного участия и юридическое закрепление гарантий такого участия. Статус главы государства как гаранта Конституции, хранителя демократического конституционализма предопределяет нормативно-указную конституционализацию форм и методов делиберативной демократии. При этом использование элементов делиберативной демократии должно развиваться от регулирования *ad hoc* в сторону закрепления общих универсальных требований и гарантий согласования решений публичной власти в сфере конституционного развития России, а механизм контроля реализации президентской конституционной политики в силу единоличной формы президентуры и слабости российского парламентаризма требует совершенствования институциональных аспектов президентского контроля и повышения роли администрации главы государства во взаимоотношениях с федеральными органами исполнительной власти. К числу мер, направленных на усиление делиберативного участия в принятии публично значимых решений, можно было бы отнести, во-первых, вовлечение платформы «Российская общественная инициатива» в процесс конституционных преобразований, что потребует корректировки президентско-

го Указа о правилах рассмотрения общественных инициатив в части возможности внесения конституционных инициатив; во-вторых, принятие указа о гарантиях участия юридического научного сообщества в процессе обсуждения конституционных поправок. Данным указом можно предусмотреть обязанность субъектов права инициативы конституционных поправок направлять проекты поправок, внесенные в Государственную Думу, в специализированные юридические вузы, профильные (юридические) институты РАН, а также в национальные исследовательские государственные университеты и федеральные университеты, осуществляющие подготовку по направлению «Юриспруденция» для обсуждения и дачи мотивированного заключения с возможностью внесения в проект собственных предложений. Такие заключения и предложения должны рассматриваться профильным комитетом Государственной Думы до принятия проекта в окончательном чтении в нижней палате.

Список литературы

1. **Кравец И. А.** Учредительная власть и судебный конституционализм: теоретические подходы и конституционная реформа 2020 года // Журнал конституционного правосудия. № 1 (85). 2022. С. 1–11.
2. **Лучин В. О.** Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М.: ЮНИТИ ДАНА, 2002. 687 с.
3. **Окуньков Л. А.** Указы Президента РФ и проблемы их совершенствования // Законодательство. 2000. № 12. С. 59–67.
4. **Кутафин О. Е.** Глава государства. М.: Проспект, 2015. 560 с.
5. **Арутюнян А. А.** Конституционализм: проблемы постсоветской реальности. М.: Норма, 2013. 160 с.
6. **Кравец И. А.** Российский республиканизм и проблема разделения властей // Право и политика. 2016. № 1 (193). С. 28–39.
7. **Кравец И. А.** Два гаранта конституции в российском конституционализме и концепция сильного государства // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 1. С. 4–7.
8. **Краснов М. А.** «Монархизация» президентской власти // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 5 (108). С. 87–103.
9. **Лукьянова Е. А.** Некоторые проблемы Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 15. С. 4–9.
10. **Лукьянова Е. А.** Указное право как российский политико-правовой феномен // Журнал российского права. 2001. № 10. С. 55–67.
11. **Сергеевич В. И.** Лекции и исследования по древней истории русского права / Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. 488 с.
12. **Селезнев Г. Н.** Вся власть – закону! (Законодательство и традиции указного права в России). М., 1997. 142 с.
13. **Кистяковский Б. А.** Философия и социология права / Подг. изд. Ю. Н. Давыдов, В. В. Сапов. Санкт-Петербург: РХГИ, 1998. 799 с.
14. **Кравец И. А.** Конституционная модернизация и консервативная охрана (российский конституционализм и теория учредительной власти) // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 3–7.
15. **Хабриева Т. Я., Клишас А. А.** Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: ИНФРА-М, 2022. 240 с.
16. **Кравец И. А.** Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 9–15.

17. **Беляев М. А.** Делиберативная модель демократии: базовые принципы и проблемы реализации // Труды института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 3. С. 79–95.
18. **Ackerman B., Fishkin J.** *Deliberation Day*. New Haven; London, 2004. 288 p.
19. **Кравец И. А.** Конституционный символизм, модернизация конституции и информационное общество (между учредительным и информационным конституционализмом для России) // *Lex russica*. 2020. Т. 73. № 1. С. 43–58.

References

1. **Kravets I. A.** Constituent power and judicial constitutionalism: theoretical approaches and constitutional reform in 2020 / I.A. Kravets // *Journal of Constitutional Justice*. – No. 1 (85). – 2022. – S. 1-11.
2. **Luchin V. O.** *Constitution of the Russian Federation. Implementation problems*. Moscow: UNITI DANA, 2002. 687 p.
3. **Okunkov L. A.** Decrees of the President of the Russian Federation and problems of their improvement // *Legislation*. 2000. No. 12. P. 59–67.
4. **Kutafin O. E.** *Head of State*. Moscow: Prospekt, 2015. 560 p.
5. **Harutyunyan A. A.** *Constitutionalism: problems of post-Soviet reality*. Moscow: Norma, 2013. 160 p.
6. **Kravets I. A.** Russian republicanism and the problem of separation of powers // *Law and Politics*. 2016. No. 1(193). P. 28–39.
7. **Kravets I. A.** Two guarantors of the constitution in Russian constitutionalism and the concept of a strong state // *Constitutional and municipal law*. 2014. No. 1. P. 4–7.
8. **Krasnov M. A.** “Monarchization” of presidential power // *Comparative constitutional review*. 2015. No. 5(108). P. 87–103.
9. **Lukyanova E. A.** Some problems of the Constitution of the Russian Federation // *Constitutional and municipal law*. 2007. No. 15. P. 4–9.
10. **Lukyanova E. A.** Decree law as a Russian political and legal phenomenon // *Journal of Russian Law*. 2001. No. 10. P. 55–67.
11. **Sergeevich V. I.** *Lectures and research on the ancient history of Russian law* / Ed. V. A. Tomsinov. Moscow: Zertsalo, 2004. 488 p.
12. **Seleznev G. N.** *All power to the law! (Legislation and traditions of decree law in Russia)*. Moscow, 1997. 142 p.
13. **Kistyakovskiy B. A.** *Philosophy and sociology of law* / Ed. Yu. N. Davydov, V. V. Sapov. St. Petersburg: RKhGI, 1998. 799 p.
14. **Kravets I. A.** Constitutional modernization and conservative protection (Russian constitutionalism and the theory of constituent power) // *Constitutional and municipal law*. 2019. No. 8. P. 3–7.
15. **Khabrieva T. Ya.** Thematic commentary to the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ “On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities”. Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. 240 p.
16. **Kravets I. A.** Information and digital constitutionalism and constitutional public initiatives in the conditions of the Russian legal space // *Constitutional and municipal law*. 2020. No. 9. P. 9–15.
17. **Belyaev M. A.** Deliberative model of democracy: basic principles and problems of implementation // *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2019. Vol. 14, no. 3. P. 79–95.
18. **Ackerman B., Fishkin J.** *Deliberation Day*. New Haven; London, 2004. 288 p.
19. **Kravets I. A.** Constitutional symbolism, modernization of the constitution and the information society (between constituent and informational constitutionalism for Russia) // *Lex russica*. 2020. Vol. 73, no. 1. P. 43–58.

Информация об авторе

Семен Евгеньевич Дробот, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, конституционного права НГУ

Information about the Author

Semyon E. Drobot, Candidate of Sciences in Law, senior lecturer, Department of theory and history of state and law, constitutional law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 02.02.2023;
одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 24.03.2023*

*The article was submitted 02.02.2023;
approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 24.03.2023*

Научная статья

УДК 342.81

DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-16-24

К вопросу об отказе в регистрации кандидатов на основании причастности к деятельности экстремистских организаций

Андрей Алексеевич Макарец

Новосибирский государственный университет экономики и управления
Новосибирск, Россия
makarzew@mail.ru

Аннотация

В статье проводится анализ практики отказа в регистрации кандидатам на основании признания их причастности к деятельности организаций, признанных экстремистскими. Обращается внимание на то, что во многих случаях в качестве доказательств фактов причастности признавались не только официальные документы, но и материалы социальных сетей.

Важное значение уделяется обоснованию конституционности исследуемого основания отказа в регистрации, которое нашло отражение в решениях Конституционного Суда РФ, раскрытию понятия «причастность к деятельности экстремистского общественного объединения». Автором предлагается в дальнейшем более четко сформулировать возможные связи с организацией, деятельность которой была признана экстремистской, установление которых может являться основанием отказа в регистрации в качестве кандидата.

Ключевые слова

избирательное право, кандидат, избирательная комиссия, регистрация кандидатов

Для цитирования

Макарец А. А. К вопросу об отказе в регистрации кандидатов на основании причастности к деятельности экстремистских организаций // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 1. С. 16–24. DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-16-24

On the Issue of Refusal to Register Candidates on the Basis of Involvement in the Activities of Extremist Organizations

Andrey A. Makartsev

Novosibirsk State University of Economics and Management
Novosibirsk, Russian Federation
makarzew@mail.ru

Abstract

The article considers an analysis of the practice of refusing to register candidates for recognition of their involvement in the activities of organizations recognized as extremist. Attention is drawn to the fact that in many cases, not only official documents, but also materials from social networks were recognized as evidence of involvement.

Great importance is given to the justification of the constitutionality of the investigated grounds for refusal of registration, which was reflected in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, to the disclosure of the concept of «involvement in the activities of an extremist public association». The author proposes in the future to more clearly formulate possible ties with an organization whose activities were recognized as extremist, the establishment of which may be the basis for denial of registration as a candidate.

© Макарец А. А., 2023

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 1
Juridical Science and Practice, 2023, vol. 19, no. 1

Keywords

vote right, candidate, election commission, candidate registration

For citation

Makartsev A. A. On the Issue of Refusal to Register Candidates on the Basis of Involvement in the Activities of Extremist Organizations. *Juridical Science and Practice*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 16–24. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-16-24

Выборы депутатов Государственной Думы VIII созыва и региональных парламентов, которые состоялись в сентябре 2021 г., актуализировали проблему ограничения пассивного избирательного права. В настоящее время на конституционном уровне закрепляется, что не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. При этом, как отмечалось в Определении Конституционного Суда РФ,¹ возможность установления исключений из принципа всеобщности пассивного избирательного права федеральным законом вытекает из статей Конституции РФ (ч. 3 ст. 32, ч. 3, ч. 2 ст. 62).

Прямо накануне избирательного цикла 2021 г. был принят Федеральный закон от 4 июня 2021 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статью 4 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»»². Согласно положениям, которые были включены им в российское законодательство, не имеют права быть избранными граждане РФ, причастные к деятельности общественного или религиозного объединения, иной организации, в отношении которых вступило в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» либо Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Это ограничение распространяется на лиц, являющихся учредителем, членом коллегиального руководящего органа, руководителем, заместителем руководителя, руководителем регионального или другого структурного подразделения, заместителем руководителя регионального или другого структурного подразделения, участником, членом, работником экстремистской или террористической организации или иным лицом, причастным к деятельности экстремистской или террористической организации.

В пояснительной записке к законопроекту³, которая поступила в Государственную Думу РФ, причины необходимости его принятия отражение не нашли. Было лаконично отмечено, что он направлен на совершенствование российского законодательства о выборах. Но можно предположить, что появление подобного ограничения пассивного избирательного права связано с тем, что экстремистская деятельность по своей природе носит публичный характер. А это, как отмечалось в Определении Конституционного Суда РФ еще в 2010 г.⁴, может служить осно-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2007 г. № 797-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кара-Мурзы Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав положением пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 52. Ст. 6533.

² Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 04.06.2021. <https://mhg.ru/novye-lishency-chto-ne-tak-s-zapretom-ekstremistam-idti-v-dumu> (дата обращения 4 апреля 2022 г.).

³ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» № 1165649-7» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1165649-7> (дата обращения 26 января 2022 г.).

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 1 июня 2010 г. № 757-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Леонова Владимира Николаевича на нарушение его конституци-

ванием возможного соразмерного ограничения права на участие в осуществлении публичной власти и публичных избирательных процедурах. В целях противодействия экстремизму федеральным законом может быть ограничено пассивное избирательное право, если ограничения по своему существу и объему не опровергают высшую ценность прав и свобод, закрепленных Конституцией РФ и определяющих смысл, содержание и применение законов. В этом аспекте, по мнению органа конституционного контроля, временное ограничение пассивного избирательного права, установленное подп. «г» п. 3.2 ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», не противоречит ст. 32 Конституции РФ.

Несмотря на то что Закон был принят фактически накануне начала избирательных кампаний, достаточно быстро сложилась единая практика применения новых законодательных положений. В основе всех возбужденных в 2021 г. дел лежало решение Московского городского суда от 9 июня 2021 г. о запрете деятельности и ликвидации по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» ряда организаций⁵.

Одним из первых судебных решений, принятых на основе новых положений избирательного законодательства, являлось решение Московского городского суда от 7 июля 2021 г. Один из кандидатов обратился в суд с административным иском к Окружной избирательной комиссии по дополнительным выборам депутата Московской городской Думы по одномандатному избирательному округу № 37 о признании Решения № 2/1 от 24 июня 2021 г. «Об отказе в выдаче разрешения на открытие специального избирательного счета» не соответствующим закону. Представитель Московской городской избирательной комиссии просил в удовлетворении требований отказать, указав, что административный ответчик, принимая решение, руководствовался системным толкованием норм нескольких нормативных правовых актов в совокупности с фактическими обстоятельствами и другими доказательствами, представленными по делу, которые свидетельствуют о причастности истца к деятельности экстремистской организации.

Необходимо отметить, что основной задачей, которая встает перед судом при разрешении дел подобной категории, является выяснение доказанности причастности того или иного лица к деятельности экстремистской организации, признанной таковой вступившим в законную силу решением суда. В рассмотренном выше деле в качестве доказательства было признано участие истца в публичном мероприятии-митинге с количеством участников до пятнадцати тысяч человек. При оглашении резолюции митинга он вместе с другими организаторами выдвигал ультимативные требования избирательной комиссии о регистрации кандидатов, имеющих отношение к организациям, деятельность которых признана экстремистской. Также доказательствами были признаны материалы осмотра страниц Telegram-канала, скриншоты страниц социальной сети Twitter, используемых для публичного обмена сообщениями, просмотренные в ходе судебного заседания видеозаписи выступлений на YouTube-канале. Проведя анализ обстоятельств дела, суд в удовлетворении требований отказал⁶.

Достаточно большое количество судебных решений, основанных на новых положениях избирательного законодательства, было принято в ходе избирательной кампании по выборам депутатов Совета депутатов г. Бердска Новосибирской области. Так, в Бердский городской суд обратился С. с административным иском к Окружной избирательной комиссии одномандатного избирательного округа № 18 по выборам депутатов Совета депутатов г. Бердска о признании незаконным решения об отказе в регистрации его в качестве кандидата. С. были представлены

онных прав положениями подпункта «г» пункта 3.2 статьи 4 и подпункта «ж» пункта 7 статьи 76 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Вестник Центризбиркома РФ. 2010. № 7.

⁵ Решение Московского городского суда от 9 июня 2021 г. УИ: 77OS0000-02-2021-006521-06 // Дело № 3а-1573/2021.

⁶ Решение Московского городского суда от 7 июля 2021 г. УИД 77OS0000-02-2021-011924-93.

в избирательную комиссию документы о выдвижении своей кандидатуры, подписные листы с содержащимися в них девятнадцатью подписями избирателей в поддержку своего выдвижения. Несмотря на то что рабочей группой все подписи были признаны достоверными, 5 августа 2021 г. избирательная комиссия приняла решение об отказе в регистрации. Основанием для вынесения решения послужило письмо ГУ Министерства юстиции РФ по Новосибирской области от 5 августа 2021 г., в котором было указано, что в отношении С. имеются сведения о его причастности к деятельности общественной организации «Ш.Н», признанной экстремистской.

С. считал, что информация, изложенная в указанном письме ГУ Министерства юстиции РФ по Новосибирской области, не может быть основанием принятия решения об отказе в регистрации, так как он не являлся учредителем, членом коллегиального руководящего органа, руководителем, заместителем руководителя, руководителем регионального или другого структурного подразделения, заместителем руководителя регионального или другого структурного подразделения, участником, членом или работником общественного движения «Ш.Н». В отношении него не выносилось судебное решение о причастности к деятельности данного общественного движения. Информация об его участии в акциях протестного характера, инициированных общественной организацией «Ш.Н» в г. Новосибирске, не может являться основанием для ограничения его пассивного избирательного права, поскольку такое ограничение, по мнению С., которое нашло отражение в судебном решении, «возможно только на основании вступившего в законную силу решения, установившего его причастность к деятельности экстремистской или террористической организации в качестве ее участника, члена, работника или причастного к ее деятельности лица»⁷. Решение избирательной комиссии, по мнению С., лишило его пассивного избирательного права, что нарушает его конституционное право быть избранным в орган местного самоуправления и право на свободные выборы.

В возражениях представителя избирательной комиссии отмечалось, что до рассмотрения вопроса о регистрации, она, руководствуясь нормами Закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», направила в адрес ГУ Министерства юстиции РФ по Новосибирской области сведения для проверки причастности кандидата к деятельности экстремистских либо террористических организаций. Из полученного ответа следовало, что в отношении С. имеются сведения о причастности к деятельности общественной организации «Ш.Н»: он принимал участие в акциях протестного характера, ею инициированных в г. Новосибирске, оказывал помощь кандидатам в депутаты Совета депутатов г. Новосибирска от объединенной группы «Коалиция Новосибирск-2020», связанной с этой организацией, посредством организации и проведении пикетов в их поддержку. Эта информация была доведена до членов избирательной комиссии.

Суд, проведя анализ обстоятельств дела, посчитал, что причастность С. к деятельности экстремистской организации была доказана. В удовлетворении административного искового заявления С. было отказано⁸. Подобные решения при участии в качестве сторон административного судопроизводства тех же самых лиц, за исключением заявителей, были приняты Бердским городским судом еще по двенадцати административным искам⁹. Все административные

⁷ Решение Бердского городского суда Новосибирской области от 19 августа 2021 г. УИД 54RS0013-01-2021-003555-85 // Дело № 2а-1580/2021 // <https://правосудие.онлайн/62186771> (дата обращения 12 марта 2022 г.).

⁸ Решение Бердского городского суда Новосибирской области от 19 августа 2021 г. УИД 54RS0013-01-2021-003555-85 // Дело № 2а-1580/2021 // <https://правосудие.онлайн/62186771> (дата обращения 12 марта 2022 г.).

⁹ Решение Бердского городского суда Новосибирской области от 11 августа 2021 г. УИД 54RS0013-01-2021-003427-81 // Дело № 2а-1552/2021 // <https://судебныерешения.рф/61970655> (дата обращения 12 марта 2022 г.); Решение Бердского городского суда Новосибирской области от 13 августа 2021 г. УИД 54RS0013-01-2021-003450-12 // Дело № 2а-1571/2021 // <https://судебныерешения.рф/62047730> (дата

истцы, обжалующие решения избирательной комиссии г. Бердска об отказе в регистрации, в той или иной мере принимали активное участие в деятельности объединенной группы «Коалиция Новосибирск-2020», представители которой принимали участие в выборах депутатов Совета депутатов г. Новосибирска. При этом в ряде дел в качестве доказательства использовались судебные решения о привлечении к административной ответственности за организацию и участие в несогласованном с органами местного самоуправления публичного мероприятия, анонсированного руководством и членами «Ш.Н.»¹⁰. Решения суда г. Бердска были обжалованы в вышестоящую инстанцию, в которой им было отказано в удовлетворении¹¹.

Новые положения избирательного законодательства применялись и в ходе избирательной кампании по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Хочется отметить, что в большинстве судебных дел, связанных с выборами депутатов нижней палаты российского парламента, в качестве доказательства причастности лица к деятельности организации, деятельность которой была признана экстремистской, приводились судебные решения¹². В некоторых случаях судом изучались не только судебные решения, но и иные документы этого дела: рапорт сотрудника полиции, его объяснения в суде, видеозапись событий¹³. Но были и исключения. Например, в суд г. Казани обратилась прокуратура Вахитовского района г. Казани с административным иском о признании З., кандидата в депутаты Государственной Думы, причастным к деятельности организации, признанной экстремистской. Причастность З. к деятельности этой организации подтверждалась в административном иске фактами неоднократного выражения З. поддержки указанной организации на своей странице в социальных сетях. Также интернет-ресурсы, по мнению истца, использовались З. для пропаганды деятельности этой организации, привлечения новых участников. Административный ответчик отмечал, что он никогда не поддерживал и не поддерживает деятельность указанной организации, размещенные им на своей странице в социальной сети видеоматериалы, скопированные из средств массовой информации, не свидетельствуют о его причастности к ее деятельности.

Изучив обстоятельства дела, суд удовлетворил иски требования и признал, что З. является лицом, причастным к деятельности организации, деятельность которой решением суда признана экстремистской¹⁴. На основании этого судебного решения З. был исключен из феде-

обращения 12 марта 2022 г.); Решение Бердского городского суда Новосибирской области от 14 августа 2021 г. УИД 54RS0013-01-2021-003477-28 // Дело № 2а-1572/2021 // <https://судебныерешения.рф/64425912> (дата обращения 12 марта 2022 г.); Решение Бердского городского суда Новосибирской области от 16 августа 2021 г. УИД 54RS0013-01-2021-003486-98 // Дело № 2а-1574/2021 // <https://судебныерешения.рф/62092969> (дата обращения 12 марта 2022 г.); Решение Бердского городского суда Новосибирской области от 19 августа 2021 г. УИД 54RS0013-01-2021-003555-85 // Дело № 2а-1580/2021 // <https://правосудие.онлайн/62186771> (дата обращения 12 марта 2022 г.) и др.

¹⁰ Решение Бердского городского суда Новосибирской области от 13 августа 2021 г. УИД 54RS0013-01-2021-003485-04 // Дело № 2а-1576/2021 // <https://судебныерешения.рф/62047730> (дата обращения 1 апреля 2022 г.).

¹¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Новосибирского областного суда от 23 августа 2021 г. № 33а-8934/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Новосибирского областного суда от 23 августа 2021 г. № 33а-8937/2021 // Там же; Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Новосибирского областного суда от 26 августа 2021 г. № 33а-9158/2021 // Там же и др.

¹² Решение Кемеровского областного суда от 2 сентября 2021 г. № 3а-218/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; Решение Калининградского областного суда от 4 августа 2021 г. № 3а-207/2021 // Там же и др.

¹³ Решение Псковского областного суда от 25 августа 2021 г. № 3а-30/2021 (Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2021 № 91-ИКАД21-1-А1) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Решение Вахитовского районного суда города Казани от 20 августа 2021 г. 16RS0046-01-2021-015501-17 // Дело № 2а-6738/21 // <https://судебныерешения.рф/62206344> (дата обращения 3 апреля 2022 г.).

рального списка кандидатов партии по единому федеральному округу, принимавшей участие в выборах депутатов нижней палаты российского парламента.

Также в Казани на выборах депутатов Государственной Думы было отказано в регистрации в качестве кандидата в депутаты Государственной Думы К., выдвинутому по одномандатному округу. В основу этого решения избирательной комиссии было положено решение Вахитовского районного суда г. Казани¹⁵, принятое по итогам рассмотрения административного искового заявления прокуратуры г. Казани. В иске отмечалось, что «К. на протяжении длительного времени, предположительно с 2019 г., являлся лицом, причастным к деятельности организации «Ш.Н.». Суд признал связь К. с деятельностью этой организации. В качестве доказательств были приняты ссылки на интернет-ресурсы, которые подтверждали пропагандистскую деятельность К.

30 июля 2021 г. Избирательной комиссией Нижегородской области вынесено постановление об отказе Н. в регистрации кандидатом в депутаты Государственной Думы РФ по одномандатному избирательному округу. Основанием отказа является отсутствие у кандидата пассивного избирательного права. Н. обратился с административным иском об отмене решения избирательной комиссии.

В обосновании решения административным ответчиком были приведены результаты проверки ГУ Министерства юстиции РФ по Нижегородской области. В соответствии с ними Н. был причастен к деятельности общественной организации, деятельность которой была признана экстремистской. В качестве доказательства приводилось несколько судебных решений о привлечении Н. к административной ответственности за организацию и проведение публичного мероприятия без подачи в установленном порядке уведомления о проведении публичного мероприятия, участие в несанкционированных митингах. Изучив обстоятельства дела, суд отказал в удовлетворении заявленных требований и оставил решение избирательной комиссии в силе¹⁶. Решение суда было поддержано и в вышестоящей инстанции¹⁷.

Ряд кандидатов, регистрация которых была отменена, обратились в Конституционный Суд РФ с жалобами об оспаривании конституционности положений избирательного законодательства. Им было отказано в принятии жалобы к рассмотрению¹⁸ в связи с тем, что, по мнению Суда, предусмотренное нормами ограничение пассивного избирательного права – по аналогии с запретом быть избранными, адресованным гражданам Российской Федерации, осужденным

¹⁵ Решение Вахитовского районного суда г. Казани от 13 августа 2021 г. // Дело А-6599/21 // <https://судебныерешения.рф/62022208> (дата обращения 1 апреля 2022 г.).

¹⁶ Решение Нижегородского областного суда от 6 августа 2021 г. 52ОС0000-01-2021-000578-80 // Дело № 3а-610/2021 // <https://zakony.online/doc/3a-6102021-reshenie-10dc2bb8-0418-4d71-a942-3f0cd2cfcc13> (дата обращения 3 апреля 2022 г.).

¹⁷ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 24 сентября 2021 г. № 9-ИКФД21-1-А4 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 1710-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлосберга Льва Марковича на нарушение его конституционных прав пунктом 3.6 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», а также частями 8.1, 8.2 и 8.4 статьи 4 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 21 июля 2022 г. № 1723-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лузина Ивана Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 3.6 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан», а также частями 8.1, 8.2 и 8.4 статьи 4 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации»» // Там же. Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2022 г. № 2595-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степанова Олега Олеговича на нарушение его конституционных прав частями 8.1–8.4 статьи 4 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»» // Там же.

к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений, носит конституционно-правовой характер: оно введено федеральным законодателем в качестве особого конституционно-правового дисквалифицирующего препятствия для занятия выборных публичных должностей (и, следовательно, для возможности баллотироваться на соответствующих выборах), сопряженного с повышенными репутационными требованиями к носителям публичной (политической) власти, что обусловлено их прямым участием в принятии правовых актов (нормативных и индивидуальных) и ответственностью, с которой связано осуществление ими своих полномочий.

Особое внимание Конституционный Суд РФ уделил раскрытию понятия «причастность к деятельности экстремистского общественного объединения». Она может выражаться в непосредственной реализации целей и (или) форм деятельности (в том числе отдельных мероприятий), в связи с которыми соответствующее общественное объединение было признано экстремистским, и (или) выражении поддержки высказываниями, включая высказывания в сети Интернет, либо иными действиями (предоставление денежных средств, имущественной, организационно-методической, консультативной или иной помощи) тем целям и (или) формам деятельности (в том числе отдельным мероприятиям) соответствующего объединения, в связи с которыми оно было признано экстремистским.

Подводя выводы, хочется отметить, принятие в июне 2021 г. поправок в Закон «Об основных гарантиях избирательных права и права на участие в референдуме граждан РФ», их применение еще раз подтверждает, что современное избирательное законодательство России в целом продолжает демонстрировать высокий уровень формализации норм и развивается вне логики включения «мягких» способов правового регулирования, этических и морально-нравственных ценностей в электоральный процесс [5, с. 27]. Императивный метод традиционно рассматривается как наиболее превалирующий и эффективен в регулировании избирательных отношений [3, с. 118].

Уже при рассмотрении поправок в парламенте они вызвали достаточно обширные дискуссии. В частности, И. Г. Шаблинский отмечал, что «впервые в новейшей российской истории законодатель предлагает ограничить пассивное избирательное право для неограниченного круга лиц... Понятие «причастный» дает широкий коридор для произвольных действий и оценок»¹⁹. А. А. Кондрашев увидел в нем «нарушение и международных конвенций, и Конституции РФ – принципа невозможности обратной силы закона (ст. 54), когда гражданин в течение трех лет со дня решения суда о ликвидации или запрете деятельности экстремистской или террористической организации не сможет быть избран в органы власти, при условии, что он состоял в штате или помогал работе организации в срок, начинающийся за год до судебного решения» [2, с. 20].

В литературе отмечается, что традиционным стало формулирование в российском избирательном законодательстве оснований отказа в регистрации с разной степенью определенности. Уровень определенности некоторых из них допускает различные толкования [13, с. 90]. К подобным можно отнести и положения, ограничивающие пассивное избирательное право на основании причастности к организациям, деятельность которых была признана экстремистской. Вполне возможно для дальнейшего уточнения реализации рассмотренного основания отказа в регистрации появляется необходимость все-таки более четкого формулирования связей с организацией, деятельность которой была признана экстремистской, установление которых может являться основанием отказа в регистрации в качестве кандидата. Также можно скорректировать законодательство с целью дать возможность избирательным комиссиям, судебным органам при разрешении подобных дел более широко применять собственное усмотрение. Такое допущение не только возможно, но и может быть признано полезным с точки зрения

¹⁹ Новые «лишенцы»: что не так с запретом «экстремистам» идти в Думу // <https://mhg.ru/novye-lishency-chto-ne-tak-s-zapretom-ekstremistam-idti-v-dumu> (дата обращения 4 апреля 2022 г.).

защиты прав и законных интересов невластных субъектов и обеспечения должного баланса публичных и индивидуальных интересов [4, с. 21].

Анализ судебных решений показывает, что несмотря на единый подход у правоприменителей по реализации положений избирательного законодательства, введенных Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, судебную практику нельзя признать в полной мере обоснованной. Мы видим, что в ряде дел в качестве доказательств использовались официальные документы – судебные решения, вынесенные по иным делам. В других случаях судебные органы ограничивались материалами социальных сетей. С одной стороны, цифровизация общественной жизни, наличие аккаунтов в различных социальных сетях сделало возможным использовать их содержание в качестве доказательств на выборах по различной категории дел, особенно связанных с проведением предвыборной агитацией, подкупом избирателей²⁰. С другой стороны, когда речь идет о реализации одного из важнейших прав гражданина – пассивного избирательного права, использование ряда материалов социальных сетей не всегда является достаточным для обоснования судебного решения.

Список литературы

1. **Колюшин Е. И.** Актуальные проблемы избирательного права России. М.: Проспект, 2019. 224 с.
2. **Кондрашев А. А.** Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 15–25.
3. **Турищева Н. Ю.** Императивность и диспозитивность избирательного процесса в контексте ценностного подхода реализации избирательных прав // Государство и право. 2021. № 10. С. 117–126.
4. **Шерстобоев О. Н.** Административное усмотрение в случае отмены административного акта // Административное право и процесс. 2022. № 1. С. 15–21.
5. **Эбзеев Б. С.** «Твердое» и «мягкое» право в конституционном правовом порядке России (новые смыслы в понимании источников права) // Государство и право. 2019. № 12. С. 26–38.

References

1. **Kolyushin E. I.** Actual problems of the electoral law in Russia. M.: Prospect., 2019. 224 p.
2. **Kondrashev A. A.** Trends in the constitutional development of Russia in the context of the constitutional reform of 2020 // Constitutional and municipal law. 2021. No. 11. P. 15–25.
3. **Turishcheva N. Yu.** Imperative and dispositive electoral process in the context of the value approach to the implementation of electoral rights // State and Law. 2021. No. 10. P. 117–126.
4. **Sherstoboev O. N.** Administrative discretion in case of cancellation of an administrative act // Administrative law and process. 2022. No. 1. P. 15–21.
5. **Ebzeev B. S.** “Hard” and “soft” law in the constitutional legal order of Russia (new meanings in understanding the sources of law) // State and Law. 2019. No. 12. P. 26–38.

Информация об авторе

Андрей Алексеевич Макарецов, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат юридических наук, доцент

²⁰ Решение суда Новосибирской области от 22 августа 2020 г. Дело № 2а-1334/2020 // Архив суда Новосибирской области; Решение Первомайского районного суда города Новосибирска от 14 августа 2020 г. Дело №02а-1234/2020 // <https://sudrf.ru/> (дата обращения 3 апреля 2022 г.).

Information about the Author

Andrey A. Makartsev, Dean of the Faculty of State Sector of the Novosibirsk State University of Economics and Management, PhD in Law, Associate Professor (Novosibirsk)

*Статья поступила в редакцию 03.02.2023;
одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 24.03.2023*

*The article was submitted 03.02.2023;
approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 24.03.2023*

Научная статья

УДК 342.5

DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-25-31

Становление и развитие организационно-правовых основ санитарно-эпидемиологической службы России

Дмитрий Сергеевич Храмов

Пензенский государственный университет
Пенза, Россия

di-xr1998@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7156-8619>

Аннотация

В статье освещены становление и наиболее важные этапы развития Роспотребнадзора. Рассматриваемый период составляет 100 лет: с 1922 г. по сегодняшний день, в течение которых осуществлялся поиск наиболее эффективных и оптимальных форм организации деятельности службы. Также в статье проведен анализ правового обеспечения санитарно-эпидемиологической службы как в процессе становления, так и в период ее реформирования. Как отмечено в статье, деятельность государственного санитарно-эпидемиологического надзора в качестве мер, направленных на предупреждение и ликвидацию очагов инфекционных заболеваний, а также на улучшение санитарного состояния страны принято считать с момента издания Декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР от 15 сентября 1922 г. «О санитарных органах Республики». Довоенный период работы государства в направлении санитарного обеспечения страны характеризуется активным построением системы централизованных СЭС. После Великой Отечественной войны была проведена реформа здравоохранения. Вплоть до распада Советского Союза специалисты создавали вакцины от опасных инфекционных заболеваний и разрабатывали эффективные нормы и правила борьбы с ними. Опыт советских медиков широко используется в настоящее время, в частности, именно российские ученые первыми в мире создали вакцину против новой коронавирусной инфекции. Для борьбы с распространением COVID-19 был разработан и введен режим повышенной готовности, результаты действия которого в дальнейшем должны найти свое отражение в российской правовой системе.

Ключевые слова

Роспотребнадзор, федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, санитарное законодательство, реформа здравоохранения, правовое регулирование

Для цитирования

Храмов Д. С. Становление и развитие организационно-правовых основ санитарно-эпидемиологической службы России // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 1. С. 25–31. DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-25-31

Formation and Development of Organizational and Legal Foundations of Sanitary and Epidemiological Service of Russia

Dmitry S. Khramov

Penza State University

Penza, Russia

di-xr1998@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7156-8619>

Abstract

The article covers the formation and the most important stages of Rospotrebnadzor development. The period under consideration makes up 100 years: from 1922 till present days, during which the search for the most effective and optimal forms of the service activity organization was carried out. The article also analyzes the legal provision of sanitary-epidemiological service both in the process of formation and in the period of its reforming. As it is mentioned in the article, the State sanitary-and-epidemiologic supervision activity as a measure aimed at preventing and liquidating foci of infectious diseases, as well as improving sanitary condition in the country is considered to exist since the Decree of the Soviet of National Commissars of the RSFSR of September 15, 1922, "On sanitary bodies of the Republic" was issued. The pre-war period of the state work in the direction of sanitary provision of the country is characterized by the active construction of the system of centralized SES. After the Great Patriotic War the health care reform was carried out. Up to the collapse of the Soviet Union the specialists were creating vaccines against dangerous infectious diseases and developing the efficient rules of their control. The experience of Soviet medics is widely used today; in particular, it was Russian scientists who were the first in the world to create a vaccine against a new coronavirus infection. To combat the spread of COVID-19, a high-preparedness regime was developed and introduced, the results of which should be reflected in the Russian legal system in the future.

Keywords

Rospotrebnadzor, Federal State Sanitary and Epidemiological Surveillance, sanitary legislation, health care reform, legal regulation

For citation

Khramov D. S. Formation and Development of Organizational and Legal Foundations of Sanitary and Epidemiological Service of Russia. *Juridical Science and Practice*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 25–31. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-25-31

В сентябре 2022 г. отмечено 100 лет со дня возникновения санитарно-эпидемиологической службы России, которая все это продолжительное время осуществляет защиту здоровья людей нашей страны и создает безопасные условия жизни. После Первой мировой и гражданской войн Россия стояла, не будет преувеличением, на пороге вымирания. Потери на фронтах, тиф, оспа, туберкулез и другие опасные заболевания унесли жизни сотен тысяч людей. Подчас люди гибли от инфекционных болезней больше, чем на полях сражений. Периодически вспыхивали эпидемии холеры, а в 1918 г. в стране разразилась холерная эпидемия, охватившая 37 губерний. Отмечалась и высокая заболеваемость брюшным тифом и дизентерией. Очагами кишечных инфекций были большие города с плохим водоснабжением. Заболеваемость брюшным тифом и дизентерией в действующей армии приобрела катастрофический характер.

От молодой и неопытной новой советской власти требовались кардинальные и эффективные меры. Возникла острая необходимость в реформировании существующей системы здравоохранения путем установления взаимодействия между собой всех ведомств, устранения между ними раздробленности и несогласованности. Необходимо было вводить в действие новые больницы и аптеки, а для работы в них требовался квалифицированный медицинский персонал.

Для достижения этой цели в стране формируются и начинают активно действовать медико-санитарные отделы и врачебные коллегии. К примеру, уже весной 1918 г. в Пензе начала свою работу Коллегия здравоохранения. В ее состав вошло руководство четырех от-

делов, также организованных в это время, а именно: больничного, санитарного, аптечного, ветеринарного. Кроме того, для решения задач по ликвидации очагов инфекций учрежден санитарно-эпидемиологический подотдел, которому подчинялись дезинфекционное бюро, санитарно-просветительная секция и мобильные эпидотряды. Отряды проводили массовую вакцинацию от холеры, обследовали и вели наблюдение за домами, в которых имелись заболевшие, производили дезинфекцию.

10 апреля 1919 г. был издан Декрет № 158 Совета Народных Комиссаров «О мерах борьбы с эпидемиями». Документ обязывал должностных лиц в короткие сроки разработать и ввести в применение серьезные меры для облегчения тяжелого и опасного труда не только врачей, но и всего медицинского персонала, борющегося с эпидемическими заболеваниями. Им выдавались дополнительные продовольственные пайки, улучшались жилищные условия и выдавались единовременные пособия и пенсии семьям погибших от эпидемий. Лечебные учреждения, согласно Декрету, в первую очередь должны быть снабжены продуктами, топливом, стройматериалами и всем необходимым инвентарем [1].

В это же время издается Декрет «Об обязательном оспопрививании» для борьбы с эпидемией оспы. Вскоре пандемия опасной вирусной инфекции пошла на спад, заболевших становилось всё меньше и меньше, и, наконец, в 1936 г. такое заболевание, как оспа в Советском Союзе было окончательно ликвидировано. В ноябре 1919 г. Постановлением Совета Рабоче-Крестьянской Обороны введен в действие Декрет № 534 «Об образовании особой Всероссийской комиссии по улучшению санитарного состояния Республики», а также другие нормативно-правовые акты по особо актуальным направлениям санитарно-эпидемиологического обеспечения страны.

В 1922 г. 15 сентября Совет народных депутатов издает следующий законодательный акт – Декрет «О санитарных органах Республики». Документ очерчивает круг важнейших задач по охране воздуха, воды, почвы, жилищ, пищевых продуктов; подчеркивает важность организации и проведения противоэпидемических мероприятий и санитарного просвещения, а также санитарной статистики. Помимо этого, Декретом устанавливаются штатные нормы работников санитарного дела и закрепляется единая структура органов санитарного надзора. В документе прописаны количественные нормы создания и территориального распределения противоэпидемической работы на местах. За врачами закрепляются их основные полномочия, которые фиксируются в так называемых «открытых листах», удостоверяющих их права и должность.

Дата издания Декрета с того времени является днем образования санитарно-эпидемиологической службы России. Активно развиваясь в направлении снижения уровня инфекционных заболеваний, санитарные и санитарно-эпидемиологические службы СССР заняли одно из первых мест в мире по профессионализму, так как за сравнительно короткое время советские медики смогли существенно понизить уровень заболеваемости инфекционными болезнями в стране, а некоторые из них окончательно ликвидировать. Участие государства в проведении масштабных профилактических и противоэпидемических мероприятий помогло покончить с натуральной оспой, холерой, полиомиелитом и снизить заболеваемость корью, краснухой. И это благодаря тому, что с 1919 г. в СССР была введена обязательная вакцинация.

Вплоть до 1980 г. всех новорожденных детей прививали от оспы и туберкулеза. В 1958 г. **утвержден и введен** в действие Профилактический календарь прививок, существующий до настоящего времени. В него были включены вакцины не только от оспы и туберкулеза, но и от коклюша, дифтерии и полиомиелита [2]. Советским медикам принадлежит авторство санитарных норм и правил, которые и ныне использует весь мир, в частности, Всемирная Организация Здравоохранения. Кроме того, вакцина от оспы, произведенная в Советском Союзе, поставлялась в Ирак, Иран, Индию и многие другие страны. Поэтому с полной уверенностью можно сказать, что в победу над оспой, которая была ликвидирована в 1980 г., самый весомый вклад внесли именно советские санитарные врачи.

В 2020 г. российские ученые первыми в мире создали эффективную вакцину от коронавируса, и не одну. Однако на протяжении двух лет в условиях пандемии и до настоящего времени это заболевание не исчезло. Причина видится в том, что в масштабах страны не вводится обязательная вакцинация. Во второй половине января 2022 г. заболеваемость инфекцией выросла более чем в полтора раза, что было связано с распространением нового штамма «омикрон». В дальнейшем вирус мутировал в несколько новых штаммов, но отечественные вакцины с ними справлялись. Важно, что региональные подразделения Роспотребнадзора предписывали периодически ужесточать коронавирусные ограничения в тех областях, где ухудшается эпидемиологическая ситуация.

С конца 20-х гг. прошлого столетия начался процесс формирования санитарного законодательства. Постановления правительства «О санитарных органах Республики» от 19 февраля 1927 г. и «Об утверждении Положения о санитарных органах Республики» от 8 октября 1927 г. определили и утвердили правила и нормы санитарного обслуживания всех населенных пунктов с учетом их промышленного значения. На законодательном уровне закреплены функции санитарных органов, отражены основные права и обязанности санитарных врачей. В 1931 г. правительство утвердило Положение «О Санитарном Совете при Народном комиссариате здравоохранения РСФСР». В 1932 г. было принято решение о повсеместной организации санитарно-эпидемиологических станций – самостоятельных постоянно действующих учреждений санэпидслужбы, состоящих на государственном обеспечении. К примеру, в Пензенской области была создана областная санэпидстанция в составе санэпидотдела, а также созданы межрайонные санэпидстанции с мобильными медицинскими бригадами в Вадинске, Городище, Каменке, Пачелме, Сердобске, Телегино.

Таким образом, в предвоенный период в стране была построена централизованная, государственная санитарная организация с обширной сетью областных, городских, районных и ведомственных санитарно-эпидемиологических станций.

Великая Отечественная война привела к массовой миграции населения, к масштабным разрушениям коммунальных сооружений и запустению территорий, и, как следствие, ухудшилась эпидемическая обстановка [3]. В стране начали вновь распространяться вирусный гепатит, дизентерия, малярия, сыпной тиф. Помня о ужасающем положении в годы Первой мировой войны и гражданской, правительство понимало, что необходимо принять все возможные меры для предупреждения эпидемии, иначе борьба с ней и ее последствиями может обернуться очередной катастрофой. Поэтому уже 30 июня 1941 г., т. е. буквально через неделю с начала войны, Народными комиссариатами здравоохранения и путей сообщения было разработано и введено в действие «Положение о медико-санитарном обслуживании населения, эвакуируемого из угрожаемых районов».

Положение запрещало в одном эшелоне перевозить здоровых людей вместе с больными или контактировавшими с больными. В каждом эшелоне – изолятор. В эвакуационных пунктах – банные помещения, помещения для термической дезинфекции. Кроме того, в начале 1942 г. Государственный Комитет Обороны разрабатывает и вводит в действие Постановление «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и армии». Документ предписывал в кратчайшие сроки осуществить обязательную вакцинацию для устранения очагов острых кишечных инфекций в городах и крупных населенных пунктах. Помимо этого, вводилась всеобщая иммунизация на призывных пунктах. Незамедлительно создавались санитарно-эпидемиологические бригады, инфекционные лазареты и госпитали, обмывочно-дезинфекционные роты, которые действовали не только в тылу, но в действующей армии [4]. Для безопасного пополнения действующей армии новыми силами была создана противэпидемическая система, представляющая собой двухуровневый заслон. На первом этапе выявлялась основная и большая часть инфекционных больных. Вновь прибывшие проходили санитарную обработку, медицинский осмотр и обязательную вакцинацию. Все отряды призывников размещались отдельно друг от друга, и когда заболел хотя бы один солдат, вся его команда изоли-

ровалась на двухнедельный карантин. Следующим шагом стала организация санитарно-контрольных и изоляционно-пропускных станций, которые были устроены на железнодорожных, водных и автомобильных путях передвижения войск [5].

В Пензенской области за годы Великой Отечественной войны существенно возросло количество санитарно-эпидемиологических станций. В 1943 г. их работало уже 36, из них одна областная и 10 в других городах. Как видим, слаженная и грамотная работа санитарных служб позволила сохранить боеспособность Армии, а также сохранить здоровье гражданского населения. И этот опыт необходимо применить в нынешних непростых пандемийных условиях. Речь идет о концентрации средств эпидемического обеспечения страны. Вероятно, промахом явилось то, что в 2004 г. Роспотребнадзор вывели из состава Министерства здравоохранения и тем самым отделили от медицины. По мнению многих экспертов, сотрудники Роспотребнадзора не соблюдали свои же многочисленные рекомендации, в частности, размещали инфекционных пациентов в те больницы, где лечились неинфицированные, тем самым превратили эти медучреждения в очаги инфекции, в «красную зону». А в годы Великой Отечественной войны инфекционных больных не эвакуировали в тыл, а лечили в передвижных госпиталях на месте, изолируя от окружающих и тем самым не давая распространяться инфекции. Позже, конечно, Министерством обороны было построено немало военных госпиталей, предназначенных для больных с COVID-19. А в начале эпидемии медики в защитных костюмах переносили вирусную инфекцию по всей больнице.

После окончания Великой Отечественной войны началось устранение ее разрушительных последствий. Во многих областях страны стали массово фиксировать новые вспышки малярии, трахомы, туберкулеза, а также детских инфекций. Болезни вставали на пути восстановления и дальнейшего экономического развития Советского Союза. Нужны были новые условия работы санитарных органов, поэтому объединяются профилактическая деятельность и текущий санитарный контроль [6].

Реформа всей системы здравоохранения началась с изменения его организационно-правовой структуры. В 1946 г. Народный комиссариат здравоохранения СССР, осуществлявший свою деятельность с 1936 г., реорганизовали и переименовали в Министерство здравоохранения СССР. Наркомздравы союзных и автономных республик также были реорганизованы и переименованы в Министерства здравоохранения союзных и автономных республик [7]. Для того чтобы повысить уровень оказываемой населению медицинской помощи, сохранить и улучшить связи в лечении, стали объединять больницы и поликлиники, родильные дома и женские консультации, детские больницы с детскими консультациями и поликлиниками. Это позволило увеличить число участков в поликлиниках и уменьшить число пациентов на одного врача, тем самым увеличилось уделяемое больному время и повысилось качество лечебно-профилактической работы. Помимо этого, существенно сократилось расхождение в поставленных диагнозах [8].

Итак, образованная в 1922 г. Санитарно-эпидемиологическая служба просуществовала до 2004 г. В девяностые годы двадцатого столетия при появлении частного бизнеса и прежде всего торговли контроль за выполнением санитарных норм новыми субъектами был возложен на СЭС. Предприниматели стали подвергаться различным проверкам, подчас не имеющим отношения к реальной санитарной безопасности. Бизнесмены потребовали отмены многих санитарных перечней. В конечном счете жалобы от предпринимателей привлекли внимание Президента и побудили незамедлительно навести порядок в сфере потребительского рынка. В итоге СЭС и Госторгинспекция были реструктуризированы, и на их месте создан Роспотребнадзор.

Как отмечалось выше, изначально он подчинялся Минздраву, но в 2012 г. Роспотребнадзор стал самостоятельным ведомством. Кроме санитарно-эпидемиологического контроля, в сферу его деятельности был включен надзор на потребительском рынке и ответственность в сфере защиты прав потребителей. По сути непрофильные ранее функции переданы Роспотребнадзору от Министерства экономического развития и торговли и Министерства по антимонополь-

ной политике. Другими словами, ведомство выполняет не только функции надзора за санитарно-противоэпидемическим режимом, но и функции торговой инспекции. Экономические изменения в стране привели к реформе, а реформа привела к смещению акцентов в работе Роспотребнадзора. Ведомство структурно разделено на два учреждения: управление Роспотребнадзора и Центр гигиены и эпидемиологии [9].

Первое учреждение – это проверяющий орган с работой чиновников, второе – осуществляет поддержку и снабжение работы центрального аппарата Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека при помощи работы врачей и других специалистов с использованием различных лабораторий. Центр гигиены и эпидемиологии, несомненно, более похож на советскую СЭС, однако в его компетенцию не включено проведение проверок. Организация лишь выполняет работы по договорным обязательствам: а именно проведение консультаций и выполнение измерений в рамках программы производственного контроля.

Как известно, время не стоит на месте: в конце 2020 г. Президент России В. В. Путин высказался о необходимости вновь реформировать главную санитарно-эпидемиологическую службу страны в направлении ее эволюции и усиления. Из предложенных депутатами вопросов реформирования, на наш взгляд, самый важный и актуальный – это разделение санэпидстанций и органов Роспотребнадзора для того, чтобы каждая структура выполняла свои функции.

Список литературы

1. **Шерстнева Е. В.** Первые городские санитарные станции в России: история создания и основные направления деятельности (к 125-летию со времени основания) // Гигиена и санитария. 2017. Т. 96. № 2. С. 187–189.
2. **Большаков А. М.** Гигиеническое регламентирование – основа санитарно-эпидемиологического благополучия населения. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009. 224 с.
3. **Голубенко К. А.** На боевых и трудовых фронтах Великой Отечественной // Великая Отечественная война: нравственные аспекты и историческое наследие: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции молодых исследователей. В 2-х ч. Ч. 2. 2015. С. 147–150.
4. **Бибикова А. А.** Медицина во время Великой Отечественной войны // Тверской медицинский журнал. 2021. № 1. С. 65–68.
5. **Амосов Н. М.** Полевой госпиталь: записки военного хирурга. М.: Родина, 2021. 256 с.
6. **Бякина В. П., Давыдова Т. В.** Правовая политика Советского государства в области охраны здоровья населения (1940–1950). СПб: РИЦ ПСПбГМУ, 2017. 215 с.
7. **Давыдова Т. В.** Реформирование советского здравоохранения в послевоенные годы: исторический анализ // Вестник Тамбовского гос. ун-та им. Г. Р. Державина: Гуманитарные науки. 2015. № 8 (148). С. 164–171.
8. **Фадеев А. В.** Реформа системы здравоохранения СССР в послевоенные годы // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2001. № 2. С. 48–50.
9. **Онищенко Г. Г.** Роль государственной санитарно-эпидемиологической службы России в защите здоровья населения // Здравоохранение Российской Федерации. 2013. № 2. С. 3–10.

References

1. **Sherstneva E. V.** The First City Sanitary Stations in Russia: History of Creation and Main Directions of Activity (to the 125th anniversary since the Foundation) // Hygiene and Sanitation. 2017. Vol. 96, no. 2. P. 187–189. (in Russ.)
2. **Bolshakov A. M.** Hygienic regulation – the basis of sanitary and epidemiological welfare of the population. Moscow: GEOTAR-Media, 2009. 224 p. (in Russ.)

3. **Golubenko K. A.** At war and labor fronts of Great Patriotic War // Great Patriotic War: Moral aspects and historical heritage: Materials of All-Russian scientific-theoretical conference of young researchers. In 2 pts. Part 2. 2015. P. 147–150. (in Russ.)
4. **Bibikova A. A.** Medicine during the Great Patriotic War // Tver Medical Journal. 2021. No. 1. P. 65–68. (in Russ.)
5. **Amosov N. M.** Field Hospital: Notes of a Military Surgeon. Moscow: Rodina, 2021. 256 p. (in Russ.)
6. **Byakina V. P., Davydova T. V.** Legal policy of the Soviet state in the field of health protection of the population (1940–1950). Saint Petersburg: RIC PSPbGMU, 2017. 215 p. (in Russ.)
7. **Davydova T. V.** Reforming Soviet health care in the postwar years: a historical analysis // Bulletin of Derzhavin Tambov State University: “Humanities”. 2015. No. 8(148). P. 164–171. (in Russ.)
8. **Fadeev A. V.** Reform of the USSR Healthcare System in the Postwar Years // Problems of Social Hygiene, Healthcare and History of Medicine. 2001. No. 2. P. 48–50. (in Russ.)
9. **Onishchenko G. G.** The role of the State Sanitary and Epidemiological Service of Russia in the protection of public health // Health Care of the Russian Federation. 2013. No. 2. P. 3–10. (in Russ.)

Информация об авторе

Дмитрий Сергеевич Храмов, аспирант очной формы второго года обучения кафедры «Частное и публичное право» Пензенского государственного университета

Information about the Author

Dmitry S. Khramov, second-year postgraduate student, Department of Private and Public Law, Penza State University (Russia)

Статья поступила в редакцию 01.03.2023;

одобрена после рецензирования 23.03.2023; принята к публикации 24.03.2023

The article was submitted 01.03.2022;

approved after reviewing 23.03.2023; accepted for publication 24.03.2023

Научная статья

УДК 347.1 + 346.1

DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-32-38

Гражданско-правовые средства в механизме правового регулирования инвестиционных отношений

Валерий Николаевич Лисица

Институт государства и права РАН
Москва, Россия

lissitsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2334-5496>

Аннотация

В статье рассмотрены основные гражданско-правовые средства и их значение в механизме правового регулирования инвестиционных отношений. Обоснована и раскрыта ведущая роль гражданско-правового обязательства по вложению инвестиций, которое обычно возникает вследствие заключения инвестиционного договора. При этом другие правовые средства призваны обеспечивать надлежащее возникновение и развитие данного обязательства. Аргументирована необходимость модернизации действующего инвестиционного законодательства Российской Федерации, предусматривающей пересмотр многочисленных специальных федеральных законов, объединение в одном акте многих их общих положений и наполнение новым содержанием в целях надлежащего гражданско-правового обеспечения содержащихся в этих законах гарантий осуществления инвестиционной деятельности.

Ключевые слова

инвестиция, механизм правового регулирования, правовое средство, инвестиционное законодательство, гражданско-правовое обязательство, инвестиционный договор, гарантии инвестора, свобода инвестиционной деятельности

Для цитирования

Лисица В. Н. Гражданско-правовые средства в механизме правового регулирования инвестиционных отношений // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 1. С. 32–38. DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-32-38

Civil Law Means in the Mechanism of Legal Regulation of Investment Relations

Valeriy N. Lisitsa

Institute of State and Law RAS
Moscow, Russian Federation

lissitsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2334-5496>

Abstract

The article highlights the main civil law means and their role in the mechanism of legal regulation of investment relations. It is argued that the leading role is played by a civil law obligation to invest, which usually arises as a result of the conclusion of an investment contract. Other legal means are designed to ensure the proper emergence and development of such an obligation. It is concluded that the current investment legislation of the Russian Federation consisting of numerous special federal laws should be systematized throughout the unification of their general provisions in one legislative act and filling it with the new content aimed at the development of civil law provisions on investors' guarantees for the implementation of investment activities.

© Лисица В. Н., 2023

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 1
Juridical Science and Practice, 2023, vol. 19, no. 1

Keywords

investment, mechanism of legal regulation, legal means, investment legislation, civil law obligation, investment contract, investor's guarantees, freedom for investment activity

For citation

Lisitsa V. N. Civil Law Means in the Mechanism of Legal Regulation of Investment Relations. *Juridical Science and Practice*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 32–38. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-32-38

Как известно, механизм правового регулирования представляет собой взятую в единстве систему правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения [1, с. 267–285]. Исходным таким правовым средством является **норма права**, которая регламентирует и направляет поведение инвесторов и иных участников инвестиционных отношений. Она создается как на международном, так и национальном уровне и образует нормативную основу для ведения инвестиционной деятельности, которая в настоящее время представлена огромным массивом норм, содержащихся в многочисленных многосторонних и двусторонних международных договорах о поощрении и взаимной защите капиталовложений, и федеральных законах, принятых в различные периоды времени для урегулирования отдельных инвестиционных отношений без учета сферы действия и корреляции друг с другом. В результате действующее инвестиционное законодательство Российской Федерации приобрело бессистемный и противоречивый характер, требует существенной модернизации и наполнения новыми нормами с учетом развития самих инвестиционных отношений, экономических вызовов и складывающейся правоприменительной практики, о чем справедливо отмечается в юридической литературе [2, с. 9–21].

Основными существенными недостатками современного инвестиционного законодательства Российской Федерации следует признать, во-первых, наличие неоправданно огромного числа специальных федеральных законов в сфере инвестиционных отношений, которые имеют сходный предмет регулирования, но при этом по-разному регулируют такие отношения. Во-вторых, отсутствие надлежащего гражданско-правового механизма реализации многих гарантий осуществления инвестиционной деятельности, предусмотренных в действующем законодательстве. В-третьих, отставание действующего инвестиционного законодательства Российской Федерации от развития самих инвестиционных отношений, в том числе в связи с появлением новых информационных технологий и цифровых объектов, экономических вызовов международного характера, а также тенденций и перспектив развития современного международного инвестиционного и иного права и практики их применения.

К примеру, согласно п. 1 ст. 15 «Государственные гарантии прав субъектов инвестиционной деятельности» Федерального закона от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»¹ государство в соответствии с данным Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами субъектов Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации гарантирует всем субъектам инвестиционной деятельности независимо от форм собственности:

- обеспечение равных прав при осуществлении инвестиционной деятельности;
- гласность в обсуждении инвестиционных проектов;
- право обжаловать в суд решения и действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления и их должностных лиц;
- защиту капитальных вложений.

¹ Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // СЗ РФ. 1999. № 9. Ст. 1096.

Как видно, данное законодательное положение сформулировано в общем виде и требует обращения к другим федеральным законам. Такой бланкетный характер изложения не способствует ясному пониманию содержания норм инвестиционного права и создает неоправданные правовые риски для инвесторов, которые можно было избежать.

Следующим правовым средством в механизме правового регулирования инвестиционных отношений являются **правоотношения**. В юридической литературе справедливо отмечается, что при осуществлении инвестиционной деятельности возникают различные по своей природе правоотношения, а само правовое регулирование в данной сфере имеет комплексный (межотраслевой) характер [3, с. 18]. Так, Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» содержит шесть глав. При этом ряд из них (глава I «Общие положения» и глава II «Правовые и экономические основы инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений») касается преимущественно гражданско-правовой сферы, тогда как другие (глава III «Государственное регулирование инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений» и глава V «Основы регулирования инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений, органами местного самоуправления») – публично-правовой.

Нельзя не отметить, что основная (ведущая) роль в механизме правового регулирования инвестиционных отношений принадлежит гражданско-правовым обязательствам, поскольку именно они опосредуют вложение (передачу) инвестиций (денежных средств и иного имущества) в разнообразные объекты инвестиционной деятельности (вещи и имущественные права), относящиеся к объектам гражданских прав. В процессе правового регулирования могут также возникать вещно-правовые отношения по поводу вещей, когда они выступают в качестве инвестиции или уже результата вложения инвестиции – объекта инвестиционной деятельности. В этой связи такие гражданские правоотношения существуют до или после совершения сделки по вложению инвестиции, создавая необходимые предпосылки для возникновения обязательственного правоотношения или представляют последствие его дальнейшего развития.

Помимо гражданского права, другие отрасли права, относящиеся к публичному праву, несколько не умаляя их значения, выполняют такую важнейшую функцию, как обеспечение возникновения и дальнейшего развития гражданско-правового обязательства, включая соблюдение установленных административно-правовых ограничений (требований), предоставление стимулирующих средств для инвесторов за счет бюджетных средств, а также защиту гражданских прав инвестора в рамках гражданско-процессуальных правоотношений. Вступление инвестора в такие иные правоотношения всегда обуславливается уже возникшим или будущим гражданским обязательственным правоотношением по инвестированию.

К гражданско-правовой сфере следует также относить отношения между инвестором и государством, которые возникают вследствие заключения между ними инвестиционного договора, а также неосновательного обогащения или внедоговорного причинения вреда инвестору государством в результате незаконных действий (бездействия) его органов и должностных лиц, нарушивших нормы международного и национального права, тогда как в литературе зачастую необоснованно отмечается их международно-правовой характер [4, с. 11]. Возникшее в данном случае правоотношение между инвестором и государством представляет собой не что иное, как гражданское обязательство, а сама ответственность государства является гражданско-правовой.

В отличие от положений ГК РФ, который разграничивает ответственность различных публично-правовых образований в зависимости от вида органа власти или должностного лица, причинившего вред физическому или юридическому лицу, международное инвестиционное право обычно возлагает гражданско-правовую ответственность за такой вред на принимающее государство в целом, в том числе за незаконные действия региональных и муниципальных органов власти и их должностных лиц. Так, в деле *Metalclad Corporation v. United Mexican States*

(Case No. ARB(AF)/97/1)², рассмотренном арбитражем Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС), спор возник в связи с тем, что одно из муниципальных образований Мексики запретило размещение опасных промышленных отходов мексиканской компании Coterin, которая контролировалась американской корпорацией Metalclad, несмотря на то, что данная мексиканская компания заключила с мексиканским федеральным агентством соглашение об эксплуатации соответствующего объекта размещения опасных промышленных отходов. В этом деле арбитраж МЦУИС установил нарушение международного договора в части незаконного проведения экспроприации со стороны Мексики, указав, в частности, что поведение территориальной единицы государства или организации, уполномоченной осуществлять публичные функции и действующей в соответствии со своей компетенцией, является поведением государства в целом в рамках международного права.

В определенной мере такой подход в применении норм международного инвестиционного права может упростить защиту прав и законных интересов иностранных инвесторов в случае отсутствия четкого разграничения полномочий между различными уровнями власти, дефицита региональных и местных бюджетов и соответственно невозможности исполнения вынесенных судебных или арбитражных решений. Кроме того, нельзя не обратить внимание на важность соблюдения государством своих международных обязательств, включая международно-правовые гарантии осуществления инвестиционной деятельности, предусмотренные в международных договорах о поощрении и взаимной защите капиталовложений.

Основным **юридическим фактом** в механизме правового регулирования инвестиционных отношений выступает инвестиционный договор, который представляет собой собирательную категорию и включает в себя далеко не любые гражданские договоры, как иногда отмечается в литературе [5, с. 399]. В частности, договоры дарения, возмездного оказания услуг, хранения, перевозки не предусматривают обязанности вложить инвестиции и потому не могут признаваться инвестиционными. С другой стороны, нельзя согласиться и с ограничительной трактовкой, допускающей заключение инвестиционных договоров лишь в сфере капитального строительства или на рынке ценных бумаг [6, с. 14]. По крайней мере, на широком понимании инвестиции и договорных форм осуществления инвестиционной деятельности основано современное международное инвестиционное право с его практикой применения, в том числе в МЦУИС [7, с. 122–124]. Представляется, что инвестиционный характер может носить только часть поименованных в ГК РФ договоров, например, договоры купли-продажи оборудования, финансовой аренды, строительного подряда, а также иные, предусмотренные специальными федеральными законами, например:

- а) договор участия в долевом строительстве;
- б) концессионное соглашение;
- в) соглашение о государственно-частном (муниципально-частном) партнерстве;
- г) соглашение о разделе продукции;
- д) соглашение об осуществлении (ведении) деятельности в особой экономической зоне;
- е) договор о комплексном развитии территории;
- ж) специальный инвестиционный контракт;
- з) соглашение о защите и поощрении капиталовложений и др.

Договор следует рассматривать наиболее адекватным средством согласования интересов инвестора и государства в случае предоставления последним различных мер государственной и муниципальной поддержки инвестору. Однако в настоящее время на уровне федерального закона не закреплен договор о государственной (муниципальной) поддержке инвестиционной деятельности, не установлены особенности его правового регулирования и не обеспечено необходимое согласование норм гражданского и бюджетного права в этой сфере, что является, наряду с другими недостатками федерального законодательства, препятствием для дальнейше-

² ICSID Review – Foreign Investment Law Journal. 2001. Vol. 16, No. 1. P. 1–35.

го развития инвестиционных отношений и их регламентации, в том числе на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Следует также отметить, что инвестиционные договоры с участием иностранных лиц, выступающие основной правовой формой вложения иностранных инвестиций, имеют ряд особенностей, требующих дополнительного урегулирования со стороны государства. В частности, это касается выбора применимого права, в качестве которого может выступать не только национальное право определенного государства, но и избранная сторонами иная совокупность норм (*lex mercatoria*, *ex aequo et bono* («по справедливости») и др.). В то же время в отношении договоров между иностранным инвестором и принимающим государством, имеющих комплексный (межотраслевой) характер (в частности, соглашений о разделе продукции и концессионных соглашений), возможность выбора сторонами на основе принципа автономии воли сторон иностранного права должна быть ограничена на законодательном уровне с тем, чтобы не допустить подчинение публично-правовых отношений, осложненных иностранным элементом, иностранному праву в ущерб публичным интересам Российской Федерации. Для этого представляется необходимым предусмотреть в международных договорах и действующем законодательстве Российской Федерации использование в рассматриваемом случае такого института международного частного права, как свехимперативные нормы, или нормы непосредственного применения (ст. 1192 ГК РФ).

Наиболее важным вопросом, возникающим на стадии реализации и применения права, выступает принудительное изъятие собственности, которое может представлять собой не только формальное прекращение права собственности частных лиц, как обычно считается в отечественной юридической науке [8, с. 1091] и закреплено в действующем гражданском законодательстве (ст. 235, 238–242 ГК РФ и др.), но и невозможность и существенные ограничения в осуществлении правомочий собственника при формальном сохранении за ним права собственности (косвенная, или непрямая, экспроприация). Все многообразные формы такого изъятия целесообразно определять одним общим термином – экспроприацией (принудительным изъятием имущества), который в отличие от действующего российского законодательства получил широкое распространение в международном праве и международной арбитражной практике. При этом в доктрине и большинстве заключаемых международных договоров о поощрении и взаимной защите капиталовложений обычно указывается на необходимость соблюдения следующих условий для ее законного осуществления:

- а) в публичных целях;
- б) на недискриминационной основе;
- в) с выплатой компенсации;
- г) в соответствии с установленным порядком [9, с. 343].

В случае невыплаты государством компенсации такое неправомерное его действие следует рассматривать в качестве деликта с возложением гражданско-правовой ответственности на государство. При этом во избежание нарушения прав инвесторов и в целях формирования единообразия в толковании и применении государственными судами и международными коммерческими арбитражами норм права об экспроприации в положениях международных договоров и действующего российского законодательства необходимо четко определить перечень действий принимающего государства, не признаваемых экспроприацией, а также порядок такого изъятия, предусмотрев, в частности, случаи, когда возможно в качестве исключения применить ограничение размера возмещения причиненных иностранному инвестору убытков (к примеру, реальным ущербом) и соответственно выплачиваемой в этой связи компенсации.

На стадии применения права принимаются судебные и иные **правоприменительные акты**, в первую очередь при разрешении инвестиционных споров. Споры между инвестором и иным физическим или юридическим лицом, или государством, которые возникают из гражданских правоотношений, в том числе вследствие нарушения инвестиционного договора или внедоговорного причинения вреда инвестору, имеют гражданско-правовой характер

и подлежат разрешению в судебном порядке. Так, к примеру, п. 2 ст. 17 Федерального закона от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» прямо устанавливает, что споры, связанные с инвестиционной деятельностью, осуществляемой в форме капитальных вложений, разрешаются в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации. При этом последние могут предусматривать возможность рассмотрения данных споров между иностранным инвестором и Российской Федерацией не только в судах государства – реципиента иностранных инвестиций, но и в международных коммерческих арбитражах при наличии арбитражного соглашения, в том числе при торговой палате любого государства, в арбитражном суде *ad hoc* и МЦУИС³.

Таким образом, рассмотренные в статье гражданско-правовые средства разнообразны, при этом главное из них – это гражданско-правовое обязательство по вложению инвестиции. Все они призваны обеспечить в первую очередь свободу экономической деятельности через установленные законом равенство прав и иные гарантии инвестора. Это предполагает не только формальное закрепление таких прав и гарантий в действующем инвестиционном законодательстве Российской Федерации, но и применение многообразных гражданско-правовых и иных правовых средств, предусмотренных в многочисленных федеральных законах, в системной связи друг с другом, что, несомненно, должно повысить качество и эффективность действующего правового регулирования инвестиционных отношений на современном этапе его развития.

Список литературы

1. **Алексеев С. С.** Общая теория права. М.: Проспект, 2009. 576 с.
2. **Гутников О. В.** Проблемы развития инвестиционного законодательства в Российской Федерации на современном этапе // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 9–21.
3. **Мороз С. П.** Инвестиционное право Республики Казахстан. Алматы: КазГЮУ, 2006. 509 с.
4. **Хобер К.** Ответственность государства и инвестиционный арбитраж // Международный коммерческий арбитраж. 2007. № 3. С. 7–30.
5. **Гущин В. В., Овчинников А. А.** Инвестиционное право: Учебник. М.: Эксмо, 2006. 688 с.
6. **Майфат А. В.** Гражданско-правовые конструкции инвестирования. М.: Волтерс Клувер, 2006. 328 с.
7. **Dolzer R., Kriebaum U., Schreder Ch.** Principles of International Investment Law. Oxford, 2022. 560 p.
8. **Голубцов В. Г.** Приватизация и национализация: проблемы законодательного регулирования // Lex Russica. 2007. Т. 66. № 6. С. 1087–1092.
9. **Лисица В. Н.** Инвестиционное право. Новосибирск, 2015. 568 с.

References

1. **Alekseev S. S.** General Theory of Law. Moscow, 2009. 576 p. (in Russ.)
2. **Gutnikov O. V.** Problems of Development of Investment Legislation of the Russian Federation on the Present Stage // Zhurnal rossiiskogo prava. 2020. No. 1. P. 9–21. (in Russ.)
3. **Moroz S. P.** Investment Law of Republic of Kazakhstan. Almaty, 2006. 509 p. (in Russ.)
4. **Hober K.** Responsibility of State and Investment Arbitration // Mezhdunarodnyi kommercheskii arbitrazh. 2007. No. 3. P. 7–30. (in Russ.)

³ См.: пункт 85 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (Приложение № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 05.08.2021)) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 16.01.2015.

5. **Guschin V. V., Ovchinnikov A. A.** Investment Law. Moscow, 2006. 688 p. (in Russ.)
6. **Maifat A. V.** Civil Law Structures of Investing. Moscow, 2006. 328 p. (in Russ.)
7. **Dolzer R., Kriebaum U., Schreder Ch.** Principles of International Investment Law. Oxford, 2022. 560 p.
8. **Golubtsov V. G.** Privatization and Nationalization: Problems of Legislative Regulation. Lex Russica. 2007. Vol. 66, no. 6. P. 1087–1092. (in Russ.)
9. **Lisitsa V. N.** Investment Law. Novosibirsk, 2015. 568 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Валерий Николаевич Лисица, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН
SPIN 6003-1410

Information about the Author

Valeriy N. Lisitsa, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Leading Scientific Researcher of Sector of Civil and Business Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
SPIN 6003-1410

*Статья поступила в редакцию 23.03.2023;
одобрена после рецензирования 31.03.2023; принята к публикации 31.03.2023*

*The article was submitted 23.03.2023;
approved after reviewing 31.03.2023; accepted for publication 31.03.2023*

Научная статья

УДК 349.2

DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-39-45

К вопросу об охране авторских прав в сети Интернет

Наталья Валерьевна Горина

Тюменский государственный университет

Тюмень, Россия

n.v.gorina@utmn.ru

Аннотация

Настоящее исследование посвящено рассмотрению вопросов охраны авторских прав в сети Интернет. Цифровые технологии позволяют использовать любое произведение без заключения договора о передаче исключительных прав автора. Проблемы российского законодательства в сфере интеллектуальной собственности в сети Интернет связаны с отсутствием возможности установления автора произведения и несовершенством правового механизма свободного использования произведений. Научная новизна исследования заключается в обосновании возможности использования цифрового произведения без согласия автора, но по прошествии определенного срока. Научным результатом исследования послужило предложение о введении в действующее законодательство процедуры фиксации авторских материалов в сети Интернет с помощью получения специального кода доступа к оригиналу произведения, который будет служить эффективным механизмом защиты прав авторов произведений.

Ключевые слова

авторское право, сеть Интернет, охрана произведений, цифровые технологии, код доступа, плагиат, защита авторских прав

Для цитирования

Горина Н. В. К вопросу об охране авторских прав в сети Интернет // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 1. С. 39–45. DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-39-45

On the Issue of Copyright Protection on the Internet

Natalia V. Gorina

Tyumen State University

Tyumen, Russian Federation

n.v.gorina@utmn.ru

Abstract

This study is devoted to the consideration of certain aspects of the protection of copyrights on the Internet. Digital technologies make it possible to use any work without concluding an agreement on the transfer of the exclusive copyrights. The article notes that free use of works is a violation of personal non-property rights of authors' science, literature and art works. Russian legal problems of intellectual property on the Internet related to the impossibility of identifying some person as the author of the work and the absence of legal mechanism for free use of works. The scientific novelty of this study lies in substantiation of possibility of using a digital work without the consent of author, but after a certain period of time. The scientific result of the study serves the proposal to introduce the procedure for fixing copyright materials on the Internet into current legislation using for obtaining some special access code to original work, in order to serve as the effective mechanism for protecting copyright.

Keywords

copyright, Internet, protection of works, digital technologies, access code, plagiarism, copyright protection

© Горина Н. В., 2023

For citation

Gorina N. V. On the Issue of Copyright Protection on the Internet. *Juridical Science and Practice*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 39–45. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-39-45

В последние десятилетия отмечается активное использование обществом информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. По данным Российской ассоциации электронных коммуникаций, количество пользователей составляет 81,1 % населения Российской Федерации [1]. «Всемирная паутина» не имеет прямого отношения к интеллектуальной собственности, но, выступая в качестве движущей силы, формирует новые условия для совершенствования законодательства. В большинстве случаев именно с использованием электронных технологий происходит активное использование и предоставление доступа к произведениям науки, литературы и искусства (далее – произведение). Защита права интеллектуальной собственности в настоящее время переживает глобальные изменения, в связи с чем изменяется и ее парадигма. В законодательстве РФ происходит динамичная реформация, а в правоприменительной практике остается нерешенным вопрос определения наиболее эффективного способа защиты прав авторов произведений в сети Интернет.

Невероятная способность сети Интернет предоставлять необходимую информацию за считанные минуты, возможность передавать данные в любую точку Земного шара способствуют увеличению численности пользователей «всемирной паутины». Интернет благодаря таким признакам, как глобальность и интернациональность, не имеет границ. В реальной жизни одно государство отделено от другого соответствующими границами, а в сети Интернет границ в принципе не существует. Действующая в Российской Федерации нормативно-правовая база в отношении защиты интеллектуальной собственности в первую очередь направлена на условия реального, а не виртуального пространства. Однако в связи с несовершенством российского законодательства в сфере интеллектуальной собственности возрастает и количество нарушений, совершаемых в сети Интернет.

Исключительное право предполагает, что автор произведения вправе использовать его по своему усмотрению любым способом, не противоречащим закону – разрешать и запрещать другим лицам возможность использовать свое произведение. Законодательство охраняет это право и запрещает иным лицам использовать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации без согласия правообладателя. В целом законодательное закрепление свободного использования произведений закреплено главой 70 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Ограничение исключительного права на произведение не должно противоречить обычному использованию произведений, а также ущемлять законные интересы правообладателей. Ст. 1270 ГК РФ содержит неисчерпывающий перечень способов использования произведения, подтверждая, что и иные, не упомянутые в законе способы, предполагают получение согласия правообладателя. В то же время отсутствие запрета не означает наличие согласия на использование данного объекта. Так, в ст. 1175 ГК РФ закреплена норма о свободном использовании произведения библиотеками, архивами и образовательными организациями. С одной стороны, данная норма позволяет осуществлять оцифровку произведений, но только в закрепленных законом случаях. С другой же стороны, свободно использовать сервисы в Интернете, которые удовлетворяют личные потребности, не связанные с общественно полезными целями, можно только в ограничительном порядке. В то же время онлайн-сервисы если и не позволяют скопировать определенную информацию на своем сайте, то это не означает, что интересы потребителей не учитываются. Суть дела сводится к тому, что граждане могут использовать контент в рамках приложения, в котором он находится.

Пользователи Интернет могут осуществлять тиражирование и распространение информации за минимальные затраты, но основным условием является заранее полученное согла-

сие от автора или правообладателя на зарегистрированные объекты исключительного права. Данное условие не всегда соблюдается. Традиционно российское гражданское право выделяет несколько вариантов свободного использования произведений в сети Интернет. Так, ученый В. Л. Энтин классифицирует ограничения в рамках конституционного права, определяя первый способ как реализацию права на доступ к произведениям непосредственно для личного использования. Вторым, по его мнению, могут являться правоотношения по использованию произведений в целях просвещения, выражения творческой индивидуальности в научно-исследовательских целях [6, с. 25]. Для сравнения, Л. А. Новоселова предлагает принять за основу экономический аспект данных правоотношений и разделять произведения, за пользование которыми необходимо вознаграждение, а также за остальными произведениями, где вознаграждения не требуется [3, с. 271]. Одним словом, можно согласиться с мнениями ученых, но основным условием должно быть соблюдение действующего законодательства в отношении конкретного произведения.

Отдельного внимания заслуживают произведения с недоступным правообладателем. В Российской Федерации такие произведения разрешено использовать только в библиотечных учреждениях, но запрещено использовать в коммерческих целях, а равно и распространять в сети Интернет в цифровом виде.

Все вышеперечисленное нашло свое отражение и в науке. Отечественные цивилисты А. Е. Сегеда и И. В. Кирова указывают, что «эффективные меры по защите информации, которая находится в электронном доступе на сегодняшний день в действительности, отсутствуют. Многие произведения в сети Интернет всё чаще находятся в открытом доступе и распространяются без указания автора и соблюдения норм, закрепленных в законодательстве» [4, с. 95].

В настоящее время любое аудио-, фото-, видео-, а также печатное произведение возможно преобразовать в компьютерный файл, т. е. может быть оцифровано. Проблема состоит в том, что нет легальной возможности оцифровки и продажи таких произведений в электронном виде, издатель не может заключить необходимую лицензию и даже заключить договор о переводе произведения. Заслуживает внимания позиция ученых, которые предлагают закрепить на законодательном уровне публикации научных и образовательных произведений, выпущенных более 10 лет назад, без разрешения автора [5, с. 75]. По нашему мнению, такие сроки могут быть сокращены до 3–5 лет. При первичной публикации своего произведения автор заключает договор о передаче исключительных прав с издательством, которое на тот момент является гарантом охраны авторских прав. Чаще всего по прошествии времени и размещении произведения в сети Интернет правообладателями могут быть уже иные лица, в том числе и операторы интернет-ресурсов и интернет-провайдеров. Решением данной проблемы видится законодательное закрепление получения пользователями с разрешения правообладателя специальных кодов доступа при первичном размещении своего произведения.

К наиболее охраняемым объектам авторского права относятся фотография или картина, которые являются результатом интеллектуальной творческой деятельности человека. Вследствие этого любое использование другим лицом данного материала допускается только лишь с разрешения того гражданина, чьим творческим трудом она создана. Под использованием в данном случае понимается копирование, распространение, переработка и ряд других действий без законного согласия автора. Обращаясь к судебной практике, отметим, что большинство споров касается нарушений прав авторов именно в отношении изображений¹. В то же время, согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, сеть Интернет и другие информацион-

¹ О взыскании компенсации за нарушение исключительного права на фотографические произведения. Решение от 29 июня 2022 г. по делу № А32-15681/2022 // sudact.ru/arbitral/doc/2wABGiDJviHB/ (дата обращения 4.02.2023).

но-телекоммуникационные сети не относятся к местам, открытым для свободного посещения². Отсюда следует, что размещение фотографии в сети Интернет не означает, что она была размещена в «свободном доступе».

Одним словом, проблемой защиты авторских прав является отсутствие легальной процедуры, которая позволит обеспечить возможность зафиксировать факт, время размещения электронных документов с авторскими материалами и другие реквизиты в сети Интернет. Помимо этого, требуется обеспечить целостность таких документов и защиту от несанкционированного изменения. Следовательно, комплекс таких действий позволит проводить аутентификацию и идентификацию документов, более того, решит проблему обеспечения доказательств в защите авторских прав в сети Интернет.

При размещении автором своего произведения в сети Интернет он сохраняет на него все принадлежащие ему права. В соответствии с нормами гражданского законодательства, автору не требуется осуществлять дополнительных действий для подтверждения и начала действия авторского права. Вместе с тем законодатель определяет следующие способы подтверждения авторских прав:

1) свидетельство регистрации авторского права, полученное через Федеральную службу по интеллектуальной собственности (Роспатент)³;

2) депонирование («процесс организованного хранения») с выдачей подтверждающего свидетельства. Рекомендуется проведение данной процедуры до публикации материала на WEB-сайте, что позволит избежать незаконного копирования и, следовательно, нарушения авторских прав на интеллектуальную собственность. В Российской Федерации подобную деятельность осуществляет Российское авторское общество⁴;

3) нотариальное удостоверение размещения текста, опубликованного в сети Интернет, с составлением соответствующего протокола⁵.

Регистрация права одним из вышеперечисленных способов является гарантом обеспечения прав. Авторы произведений, выкладывая в сеть Интернет результат творческой деятельности, в первую очередь, преследуют цель ознакомить пользователей со своим творчеством, но не для свободного использования предоставленных материалов другими пользователями. На наш взгляд, если автор не предусмотрел и прямо не указал о своем согласии на использование работы, то в таком случае считается, что разрешение отсутствует и копирование запрещено. В противном случае нарушается право автора на неприкосновенность произведения, и на основании ст. 1266 ГК РФ предусмотрена защита произведения от искажений. Соответствующее ограничение в теории подвергается сомнению в связи с проблемами практической реализации. С одной стороны, интерес потерпевших заключается не в том, чтобы наказать нарушителя за уже совершенное правонарушение, а в том, чтобы конкретному лицу были запрещены подобные действия в будущем. Помимо этого, возможно применение к такому лицу специальных санкций за невыполнение решения суда. С другой стороны, если объекты авторского права входят в наследственную массу, тогда норма, устанавливающая ограничение права на неприкосновенность произведения наследниками и правопреемниками, на наш взгляд,

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

³ Постановление Правительства РФ от 21 марта 2012 г. № 218 «О Федеральной службе по интеллектуальной собственности» // СЗ РФ. 2012. № 14. Ст. 1627.

⁴ «Всемирная конвенция об авторском праве» (Заключена в г. Женеве 06.09.1952) // СП СССР. 1973. № 24. Ст. 139. «Бюллетень по авторскому праву». Том XXVIII. № 1. 1995. Том XXIX. № 1. 1996. Том XXX. № 1. 1997. Авторское право // Бюллетень UNESCO. Изъятия и ограничения авторского права в цифровой среде. 2003. № 1. Т. XXXVII. С. 77–90 («Статус Всемирной конвенции об авторском праве и дополнительных протоколов 1, 2, 3»). Документ вступил в силу для СССР 27.05.1973.

⁵ «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» // ВСНД и ВС РФ. 11.02.1993. № 4462-1. (ред. от 28.12.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023).

требует доработки. Защита прав автора имеет важное значение для идентификации произведения, что в дальнейшем оказывает влияние на коммерческие моменты использования соответствующего труда благодаря популярности имени автора, особенности создания произведения и «почерка», присущего именно этому автору. Несомненно, личные неимущественные права являются такими же ценными для автора, но при защите авторских в сети Интернет первоначально будут подлежать законодательной защите нарушенные имущественные права.

В большинстве случаев защита прав на объекты интеллектуальной собственности, размещенные в сети Интернет, может осуществляться двумя способами: неюрисдикционным и юрисдикционным. Неюрисдикционная форма защиты представляет собой действия граждан либо организаций, осуществляемые без вмешательства со стороны государственных органов. Наиболее распространенной является самозащита (например, использование водяных знаков при размещении авторских материалов в сети Интернет).

В свою очередь, сущность юрисдикционной формы выражается в деятельности государственных органов, уполномоченных на осуществление защиты нарушенных либо оспариваемых авторских прав. Помимо этого, данная форма предусматривает два порядка защиты: общий (судебный) и специальный (административный), при котором подается жалоба в государственный орган в исключительных, предусмотренных в законе случаях. Что касается общего (судебного) порядка, средством защиты в данном случае является иск, а судебными органами выступают преимущественно арбитражные суды. Особого внимания заслуживают: специализированный суд – Суд по интеллектуальным правам, а также Международный коммерческий арбитражный суд, созданный в 2018 г. при Торгово-промышленной палате РФ. Отметим, что в компетенцию судов общей юрисдикции также входят полномочия по рассмотрению дел, связанных с защитой интеллектуальной собственности, в том числе в сети Интернет.

В большинстве случаев основной проблемой судебной формы защиты интеллектуальной собственности в сети Интернет выступает невозможность привлечения в качестве участника судебного разбирательства хостинг-провайдеров – лиц, выступающих в качестве операторов связи. Законодательно привлечение таких лиц закреплено не было, однако свою роль сыграла судебная практика. Суть многих рассмотренных дел состояла в решении вопроса о степени вины для привлечения к ответственности хостинг-провайдеров. Как известно, поставщики интернет-услуг не являются прямыми нарушителями авторских прав, но они обязаны полностью компенсировать ущерб, которые могли нанести пользователи правообладателю, независимо от того, какие лица причинили вред автору. Одним словом, судебные решения являются прямым доказательством того, что ответственность провайдера наступает в зависимости от наличия его вины в размещении информации, нарушающей права третьих лиц [2, с. 362].

Таким образом, наличие значительного количества обращений в суд является прямым доказательством влияния правоприменительной практики на отечественное законодательство. На наш взгляд, необходимо ввести дополнения в уже действующее законодательство, а именно в ст. 1253.1 п. 4 и изложить в следующей редакции: «К информационному посреднику, который в соответствии с настоящей статьей несет ответственность за нарушение интеллектуальных прав, могут быть предъявлены требования о защите интеллектуальных прав, связанные с применением мер гражданско-правовой ответственности, в том числе об удалении информации, нарушающей исключительные права, или об ограничении доступа к ней».

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо подчеркнуть, что в настоящее время в современном российском законодательстве правовые положения, регулирующие авторские права в сети Интернет, носят разрозненный характер. Следовательно, предлагаем внести изменения в ГК РФ путем добавления новой главы: «Защита интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационной сети Интернет». В этой связи представляется необходимым определить субъектов, которые участвуют в данных отношениях. Например, исследователь Ф. З. Джикаева считает, что к таким субъектам следует отнести правообладателей, пользователей сети Интернет, операторов интернет-ресурсов и интернет-провайдеров [1, с. 11]. На наш

взгляд, важно определить возможные причины нарушения авторских прав отдельных субъектов, а также закрепить на законодательном уровне необходимые меры для защиты нарушенного права. Более того, необходимо выработать специальную процедуру фиксации авторских материалов, первично размещаемых пользователем в сети Интернет, путем присвоения определенных паролей, которые будут доступны только для автора, но не для остальных пользователей.

Следует добавить, что преимущественным способом защиты авторских прав в сети Интернет является судебная защита. Однако исследователями в данной области предлагаются различные технические и юридические способы защиты интеллектуальной собственности, среди которых особое внимание уделяется получению пользователями специальных кодов доступа к оригиналу произведения с разрешения правообладателя. По нашему мнению, государственная регистрация прав является наиболее эффективной.

В заключение хотелось бы отметить, что поскольку Интернет является глобальной сетью, то и законодательство, его регулирующее, на наш взгляд, должно быть тоже глобальным. Вместе с тем принять общий акт на данном этапе не представляется реальным ввиду ряда объективных и субъективных причин, но выход из ситуации видится в актуализации действующего гражданского законодательства сообразно динамичному развитию информационных технологий: это внедрение новых, нетрадиционных способов эффективной защиты интеллектуальной собственности в информационной среде. Современное российское законодательство в части авторских прав в сети Интернет нуждается в совершенствовании, сложившаяся судебная практика – в выработке единообразия, поскольку отсутствие четкого, единого подхода к решению проблем, связанных с посягательством на интеллектуальную собственность в сети Интернет, повлечет лишь усугубление сложившейся непростой законодательной ситуации. Усовершенствование законодательства и устранение уже существующих пробелов будут способствовать минимизации незаконных посягательств на объекты интеллектуальной собственности со стороны пользователей сети Интернет. Защита прав и законных интересов граждан, организаций и государства в немалой степени будет зависеть от правопонимания и правосознания в этой сфере, организации совместной работы законодателей, правоприменителей и правообладателей.

Список литературы

1. **Джикаева Ф. З.** Защита прав интеллектуальной собственности в сети Интернет // Вопросы экономики и права. 2019. № 4(130). С. 11–13.
2. **Кузина Н. В.** Информационная безопасность в условиях пандемии: методы стабилизации состояния социума в электронных СМИ и Интернете // Бюллетень науки и практики. Т. 6. №9, 2020. С. 357–395.
3. **Новоселова Л. А.** Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л. А. Новоселовой. М.: Статут, 2017.
4. **Сегеда Е. А., Кирова И. В.** Современные проблемы защиты прав интеллектуальной собственности в России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. №1–2. С. 94–100.
5. **Щербак Н. В.** Право интеллектуальной собственности. Общее учение. Авторское право и смежные права. М.: Юрайт, 2019.
6. **Энтин В. Л.** Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). М.: Статут, 2017.

References

7. **Dzhikaeva F. Z.** Protection of intellectual property rights on the Internet // Questions of Economics and Law. 2019. No. 4(130). P. 11–13.

8. **Kuzina N. V.** Information security in a pandemic: methods of stabilizing the state of society in the electronic media and the Internet // Bulletin of science and practice. 2020. Vol. 6, no. 9. P. 357–395.
9. **Novoselova L. A.** Intellectual property law. Vol. 1. General provisions / Ed. L. A. Novoselova. M.: Statut, 2017.
10. **Segeda E. A., Kirova I. V.** Modern problems of protection of intellectual property rights in Russia // Economics and business: theory and practice. 2021. No. 1–2. P. 94–100.
11. **Shcherbak N. V.** Intellectual property rights. General teaching. Copyright and related rights. M.: Yurayt, 2019.
12. **Entin V. L.** Copyright in virtual reality (new opportunities and challenges of the digital age). M.: Statute, 2017.

Информация об авторе

Наталия Валерьевна Горина, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Института государства и права ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Information about the Author

Natalia V. Gorina, PhD in Law, Assistant Professor at the Department of Civil Law Disciplines, Institute of State and Law, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 06.02.2023;

одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 24.03.2023

The article was submitted 06.02.2023;

approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 24.03.2023

Научная статья

УДК 349.3

DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-46-51

Правовые особенности организации системы обязательного медицинского страхования: сравнительно-правовой аспект

Марина Анатольевна Горожанкина

Сибирский государственный университет путей сообщения
Новосибирск, Россия

margor71@mail.ru

Аннотация

В статье проведен правовой анализ современного состояния системы обязательного медицинского страхования в России, дан сравнительно-правовой аспект систем ОМС России и некоторых стран Европы. Сформулировано предложение о целесообразности предоставления возможности для работающих граждан реализовать свое право выбора участия в системе ОМС путем добровольного отказа от участия в этой системе и решения вопроса оплаты медицинской помощи и лечения через систему добровольного медицинского страхования. Предложено предоставить статус застрахованных в системе ОМС лицам, у которых отсутствует заработок (доход) по неуважительным причинам, только в части оказания неотложной (скорой) медицинской и паллиативной помощи. Оказание иных видов медицинской помощи для указанных лиц следует осуществлять за счет собственных (личных) средств или благотворительных организаций в рамках договора добровольного медицинского страхования.

Ключевые слова

субъекты ОМС, обязательное медицинское страхование (ОМС), страховые медицинские организации, медицинская помощь, финансовое обеспечение ОМС, краудфандинг, добровольное медицинское страхование

Для цитирования

Горожанкина М. А. Правовые особенности организации системы обязательного медицинского страхования: сравнительно-правовой аспект // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 1. С. 46–51. DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-46-51

Legal Features of the Organization of System of Compulsory Medical Insurance: A Comparative Legal Aspect

Marina A. Gorozhankina

Siberian Transport University
Russian Federation

margor71@mail.ru

Abstract

The article gives a legal analysis of the current state of the system of compulsory medical insurance in Russia, gives a comparative legal aspect of the CHI systems in Russia and some European countries. A proposal has been formulated on the advisability of providing an opportunity for working citizens to realize their right to choose participation in the CHI system by voluntarily refusing to participate in this system and resolving the issue of paying for medical care and treatment through the voluntary medical insurance system. It is proposed to change the legal status of persons who have no earnings (income) for disrespectful reasons and be insured in the CHI system only in terms of emergency (first aid)

© Горожанкина М. А., 2023

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 1
Juridical Science and Practice, 2023, vol. 19, no. 1

medical and palliative care. Other types of medical care for these persons can only be provided as expense of their own (personal) funds or charitable organizations under a voluntary medical insurance contract.

Keywords

CHI subjects, compulsory health insurance (CHI), medical insurance organizations, medical assistance, financial support for CHI, crowd funding, voluntary medical insurance

For citation

Gorozhankina M. A. Legal Features of the Organization of System of Compulsory Medical Insurance: A Comparative Legal Aspect. *Juridical Science and Practice*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 46–51. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-46-51

Статья 42 Конституции России¹ устанавливает право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь, закрепив положение, что медицинская помощь и лечение в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается населению РФ на безвозмездной основе как за счет средств соответствующего бюджета, так и страховых взносов и других поступлений. В настоящее время разработан правовой механизм оказания лечебной и профилактической помощи, где основными источниками выступают федеральные законы «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»², «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (далее – Закон)³.

Медицинские услуги в России могут быть оказаны в рамках как обязательного, так и добровольного медицинского страхования. Данное страхование состоит из элементов государственного страхования и действует на всей территории России, обеспечивая фиксированный объем медицинской помощи и лечения при наличии четко выраженных условий ее оказания застрахованным. В России создана страховая система оказания медицинской помощи и лечения, финансирование которой обеспечивается за счет обязательных платежей работодателей независимо форм собственности и видов деятельности (коммерческая или некоммерческая), взносов индивидуальных предпринимателей. При наступлении страхового случая страховым обеспечением по данному виду страхования выступает исполнение обязательств по предоставлению населению медицинской помощи и по ее оплате соответствующей медицинской организации.

Особый интерес при исследовании правового статуса субъектов и участников обязательного медицинского страхования в России, к которым относятся застрахованные лица, страхователи, Федеральный и территориальные фонды ОМС, страховые медицинские организации, медицинские организации, вызывает правовой статус застрахованных лиц и страхователей.

К застрахованным лицам законодатель относит граждан России, постоянно или временно проживающих в Российской Федерации иностранцев и апатридов при условии, что они состоят в трудовых отношениях, работают по договору гражданско-правового характера, предметом которого являются выполнение работ, оказание услуг (за исключением граждан, получающих страховые пенсии, опекунов или попечителей, выполняющих свои обязанности на возмездных началах, в том числе по договору о принятии детей на воспитание в приемную семью), являются авторами произведений, членами крестьянских (фермерских) хозяйств, членами родовых общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Фе-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 01.03.2023).

² Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021) [Электронный ресурс] // <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 01.03.2023).

³ Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ (ред. от 19.12.2022) [Электронный ресурс] // <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 02.03.2023).

дерации (при условии осуществления традиционной хозяйственной деятельности в местах их традиционного проживания и ведения традиционной хозяйственной деятельности).

Получателями медицинских услуг выступают также и неработающие граждане: лица, не достигшие совершеннолетия, неработающие пенсионеры, лица, получающие среднее специальное или высшее образование по очной форме, лица, имеющие статус безработного, один из родителей (опекун) детей в возрасте до 3 лет, осуществляющий уход за ними, трудоспособные лица при осуществлении ухода за детьми-инвалидами, инвалидами I группы и лицами, достигшими возраста 80 лет, опекуны или попечители, исполняющие обязанности по договору об осуществлении опеки или попечительства, в том числе по договору о приемной семье и получающие страховые пенсии; другие граждане, не состоящие в трудовых отношениях с работодателем за исключением военнослужащих и приравненных к ним лиц.

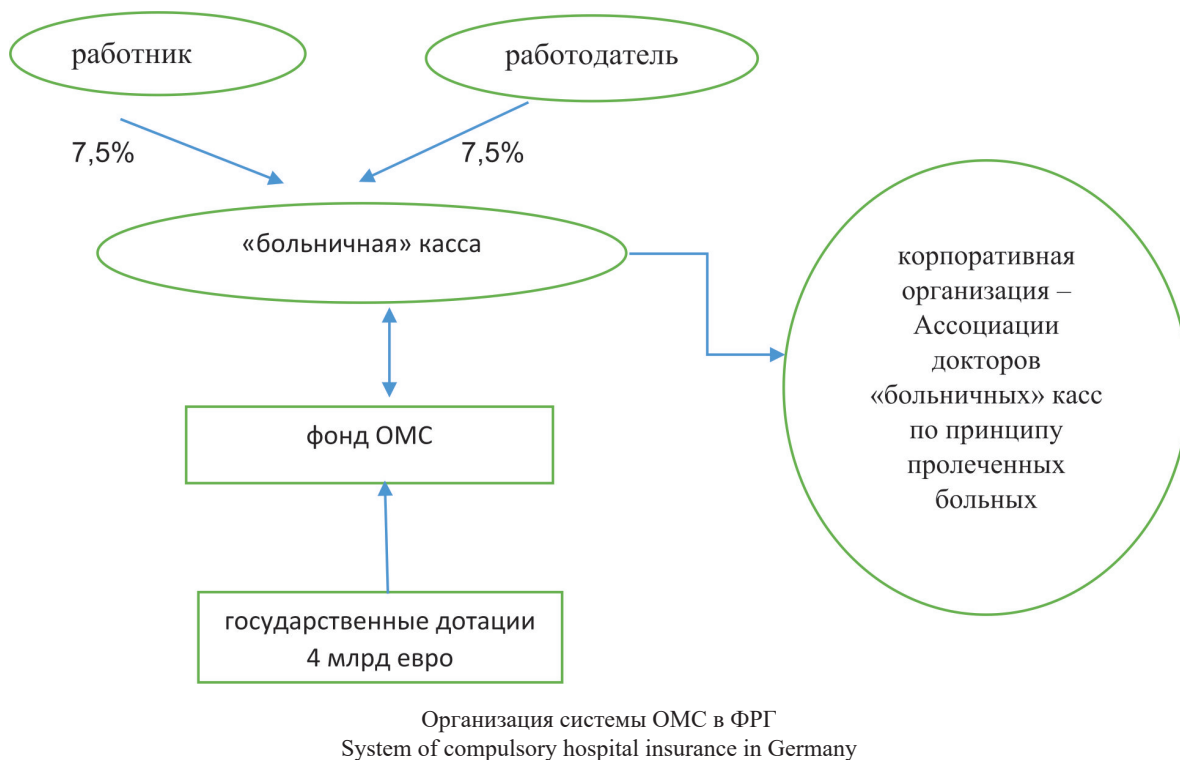
Проводя детальное исследование правового статуса застрахованных граждан, напрашивается вывод, что получателями медицинских услуг в системе обязательного медицинского страхования выступает всё население России. Следовательно, все имеют равные права на получение медицинской помощи в рамках как базовой, так и территориальных программ ОМС. Кто же в данном случае выступает страхователем и за чей счет идет возмещение расходов на оказание данной услуги? В большинстве случаев лицами, производящими выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, выступают работодатели независимо от формы собственности, а также индивидуальные предприниматели и физические лица, не признаваемые индивидуальными предпринимателями. Для граждан, не состоящих в трудовых отношениях, страхователями выступают органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, уполномоченные высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, иные организации, установленные высшим органом исполнительной власти РФ.

Возникает резонный вопрос, соответствует ли принципу социальной справедливости оказание лицу, имеющему доход, но не состоящему в трудовых отношениях, не являющемуся индивидуальным предпринимателем или самозанятым, медицинской помощи в полном объеме наравне с работающим населением, пенсионером, а также несовершеннолетними лицами?

Изучая историю становления систем оказания медицинской помощи, следует обратить внимание на европейские страны, в частности ФРГ. Страхование на случай временной нетрудоспособности выступает одной составной частью социального страхования. «90 % населения Германии подлежат обязательному медицинскому страхованию. Это рабочие и служащие, у которых годовой доход не превышает 49 000 евро в Западной Германии и 45 000 евро в Восточной Германии. Лица, у которых годовой доход превышает 49 000 евро в Западной Германии и 45 000 евро в Восточной Германии, освобождаются от обязательного медицинского страхования. Остальные граждане Германии могут застраховать себя добровольно или в больничной кассе, или в страховом агентстве. Это около 10% населения» [2, с. 66].

Схематично организация системы ОМС в Германии представлена на рисунке.

«Больничные» кассы выступают важнейшими элементами данной системы. Они аккумулируют страховые фонды, покрывают оплату медицинской помощи и лечения, обладают правом самостоятельного надзора за качеством всех видов медицинских услуг. Пациенты (застрахованные лица) не оплачивают оказание помощи работниками медицинских организаций. Так, например, во Франции для оплаты медицинских услуг используют страховые налоги. Они собираются в муниципальных образованиях негосударственными организациями. В их число входят лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, и представители профсоюзных организаций. Все собранные налоги перечисляются в государственные (национальные) фонды страхования, из которых избранная социальная программа получает свою часть. Каждый месяц «отчисления предпринимателей на социальное страхование составляют 36 % фонда оплаты труда, из них 6,5 % удерживаются из оплаты труда работников. Обязательное медицинское страхование, которым охвачено 80 % населения страны, может иметь форму как кол-

лективного, так и индивидуального. За счёт средств ОМС возмещается только 75 % расходов пациента, который (в отличие от пациента в Германии) вначале непосредственно оплачивает медицинские услуги. Принцип его участия в издержках заключается в том, что 25 % составляют личные расходы» [3, с. 80]. Как отмечает Е. В. Фролова, «действующая система во Франции основана на принципах обязательного медицинского страхования, которое в значительной степени дополняется добровольным. Национальная система медицинского страхования, контроль за которой осуществляет Министерство по социальным делам, охватывает 99 % населения страны и предоставляет равноправный доступ к гарантированной медицинской помощи. Широкий спектр практически неограниченного количества медицинских услуг доступен не только в больничном секторе, но и в амбулаторном. Система национального страхования является составной частью системы обязательного социального обеспечения» [4, с. 65].

Как отмечает В. Антропов, «в круг не охваченных обязательным медицинским страхованием входят самозанятые лица (индивидуальные предприниматели), государственные служащие и частнопрактикующие врачи независимо от уровня их годового дохода, поскольку считается, что в силу корпоративности они могут получить бесплатную медицинскую помощь у своих коллег. Главным фактором ограничения круга лиц, подлежащих обязательному медицинскому страхованию, является стремление государства обезопасить слои населения с невысокими доходами от обременительных расходов по уплате, как правило, более высоких взносов в системе добровольного медицинского страхования. Немаловажным моментом является также возможность дотаций со стороны государственных структур в случае снижения доходов или потери работы вообще» [1, с. 127].

Современная система обязательного медицинского страхования имеет ряд как положительных, так и негативных черт. Следует отметить, что более или менее была решена проблема с финансовыми средствами здравоохранения, освободив при этом бюджеты всех уровней бюджетной системы. Всё же накопленных средств не хватает, чтобы в полном объеме обеспечить медицинской помощью все нужды населения страны. Страхователи обеспечивают защиту работников, на которых возложена обязанность ежемесячно отчислять в страховые взносы

(с 2023 г. единый тариф (единые размеры) страховых взносов на ОПС, ОСС, ОМС 30 % и выше установленной единой предельной величины базы для исчисления страховых взносов – 15,1 %)⁴.

Обеспечение медицинской помощью и лечением лиц без работы, в том числе и нетрудоспособных граждан (несовершеннолетних, лиц, достигших пенсионного возраста, маломобильных граждан, безработных), возлагает на себя государство в лице государственных органов. Однако оно не всегда в полном объеме готово исполнять свои обязательства перед населением, что определяется целым рядом обстоятельств как организационного, так и экономического характера. Главной целью будущего преобразования данной системы должно стать увеличение объемов субсидирования системы обязательного медицинского страхования. Что же может стать вспомогательным источником краудфандинга? Предположим, что это могут быть средства Фонда пенсионного и социального страхования РФ (далее – Социальный фонд) на финансирование расходов по оказанию неработающим пенсионерам адресной медицинской помощи. Помимо этого, в обязательном порядке должна быть согласованность между платежами, осуществляемыми в Федеральный фонд ОМС лицами, обязанными уплачивать страховые взносы, и обязательствами государства, занимающегося страхованием нетрудоустроенных граждан.

Целесообразно предоставить возможность для работающих граждан реализовать свое право выбора участия в системе ОМС путем добровольного отказа от участия в этой системе и решения вопроса оплаты медицинской помощи и лечения через систему добровольного медицинского страхования. Следует также конкретизировать в ст. 10 Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», что лица, у которых отсутствует заработок (доход) по неуважительным причинам либо которые скрывают свой реальный доход, являются застрахованными в системе обязательного медицинского страхования только в части оказания неотложной (скорой) медицинской и паллиативной помощи. Иные виды медицинской помощи (первичная медико-санитарная, специализированная, высокотехнологичная и др.) для такой категории лиц могут быть оказаны только за счет собственных (личных) средств или благотворительных организаций в рамках договора добровольного медицинского страхования.

Список литературы

1. **Антропов В.** Здравоохранение в Германии: исцеление для всех. [Электронный ресурс] <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2006/3-2006/antropov3-2006.pdf> (режим доступа 01.03.2023).
2. **Резников Д. А.** Организация медицинской помощи больным в Германии. Принципы и основы страховой медицины // Организация здравоохранения. 2010. Т 3. С. 66.
3. **Тишук Е. А.** Проблемы здравоохранения в Европе // Современная Европа. 2005. № 3 (23). С. 76–87.
4. **Фролова Е. В.** Здравоохранение Франции. Справочник врача общей практики. 2021. [Электронный ресурс] <https://panor.ru/> (дата обращения 01.03.2023).

⁴ О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статьи 18 и 19 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Автоматизированная упрощенная система налогообложения”»: Федеральный закон от 14.07.2022 № 239-ФЗ [Электронный ресурс] // <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 02.03.2023).

References

1. **Antropov V.** Healthcare in Germany: healing for all [Online]. URL: <http://www.sov-europe.ru/imag/pdf/2006/3-2006/antropov3-2006.pdf> (accessed on: 03/01/2023).
2. **Reznikov D.-A.** Organization of medical care for patients in Germany. Principles and foundations of insurance medicine // Organization of health care. 2010. P. 66. vol. 3
3. **Tishuk E. A.** Healthcare problems in Europe // Modern Europe. 2005. No. 3(23). P. 76–87.
4. **Frolova E. V.** French healthcare. Handbook of a General Practice doctor. [Online]. URL: <https://panor.ru/> (accessed on: 03/01/2023).

Информация об авторе

Марина Анатольевна Горожанкина, кандидат юридических наук
SPIN 6621-6622

Information about the Author

Marina A. Gorozhankina, PhD in Law, Associate Professor, Siberian Transport University
(Novosibirsk, Russian Federation)
SPIN 6621-6622

*Статья поступила в редакцию 02.03.2023;
одобрена после рецензирования 22.03.2023; принята к публикации 24.03.2023*

*The article was submitted 02.03.2023;
approved after reviewing 22.03.2023; accepted for publication 24.03.2023*

Научная статья

УДК 343.7

DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-52-60

Уголовная ответственность за мелкое хищение: декларируемые цели и фактические смыслы

Роман Николаевич Боровских¹

Михаил Юрьевич Шатохин²

¹Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

²Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета
Новосибирск, Россия

¹ borovskih80@yandex.ru

² info@shatohin.pro

Аннотация

В статье рассматриваются положения уголовного законодательства РФ об ответственности за мелкое хищение (ст. 158.1 УК РФ). Изучается вопрос о заявленных при разработке соответствующего законопроекта целях, фактически полученных результатах нормативного воплощения данной инициативы. Наглядно демонстрируются тенденции правоприменительной практики, состояние судимости лиц, совершивших данные преступления. Делается вывод об оценке профилактического воздействия уголовно-правовой нормы о мелком хищении.

Ключевые слова

хищение, мелкое хищение, кража, судимость, законопроект, уголовная репрессия, декриминализация, профилактика правонарушений

Для цитирования

Боровских Р. Н., Шатохин М. Ю. Уголовная ответственность за мелкое хищение: декларируемые цели и фактические смыслы // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 1. С. 52–60. DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-52-60

Criminal Liability for Petty Theft: Declared Purposes and Actual Meanings

Roman N. Borovskikh¹, Mikhail Y. Shatokhin²

¹Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

²Novosibirsk Law Institute (branch) of Tomsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ borovskih80@yandex.ru

² info@shatohin.pro

Abstract

The article considers provisions of the criminal legislation of the Russian Federation on responsibility for petty theft (Criminal Code, art. 158.1). The article examines the issue of the stated goals, the actual results of the normative implementation of this initiative. The article clearly demonstrates the trends of law enforcement practice, the state of convictions of the perpetrators of these crimes. The article draws a conclusion on the assessment of the preventive impact of the criminal law rule on petty theft.

© Боровских Р. Н., Шатохин М. Ю., 2023

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 1
Juridical Science and Practice, 2023, vol. 19, no. 1

Keywords

theft, petty theft, stealing, conviction, draft law, *criminal repression, decriminalization, prevention of offenses*

For citation

Borovskikh R. N., Shatokhin M. Yu. Criminal Liability for Petty Theft: Declared Purposes and Actual Meanings. *Juridical Science and Practice*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 52–60. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-52-60

Федеральным законом РФ от 03.07.2016 № 323-ФЗ в Уголовный кодекс РФ введена ст. 158.1, устанавливающая ответственность за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию.

Уголовная ответственность предусмотрена за мелкое хищение чужого имущества, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

В ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ речь идет о мелком хищении чужого имущества стоимостью более 1000 рублей, но не свыше 2500 рублей, в форме кражи, мошенничества, присвоения или растраты при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ч. 2–4 ст. 158, ст. 158.1, ч. 2–4 ст. 159, ч. 2–4 ст. 159.1, ч. 2–4 ст. 159.2, ч. 2–4 ст. 159.3, ч. 2–4 ст. 159.5, ч. 2–4 ст. 159.6 и ч. 2–3 ст. 160 УК РФ, за исключением случаев, предусмотренных ст. 14.15.3 КоАП РФ.

Таким образом, в настоящее время в УК РФ ответственность за мелкое хищение установлена за совершение мелкого хищения при соблюдении в совокупности следующих условий:

- (а) хищение чужого имущества стоимостью свыше 1000 рублей, но не свыше 2500 рублей;
- (б) хищение совершено в форме кражи, мошенничества (всех видов), присвоения или растраты;
- (в) отсутствуют квалифицирующие обстоятельства совершения кражи, мошенничества (всех видов), присвоения или растраты (соответствующие части статей 158, 159–159.6, 160 УК РФ);
- (г) отсутствуют признаки ранее совершенного уголовно наказуемого мелкого хищения (ст. 158.1 УК РФ);
- (д) мелкое хищение содеяно лицом, ранее совершившим аналогичное деяние и подвергнутым за это административному наказанию.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать социальные и правовые основания установления уголовной ответственности за мелкое хищение. Начать представляется необходимым с анализа релевантных статистических данных¹.

Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, статистические сведения о судимости лиц, совершивших преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 158 и ст. 158.1 УК РФ, за период с 2012 по 2016 г., выглядят следующим образом².

В 2012 г. по ч. 1. ст. 158 УК РФ осуждены 68 322 человека, в 2013 г. – 65 383, в 2014 г. – 61 417, в 2015 г. – 65 245, в 2016 г. – 55 857 человек. За пять лет снижение рассматриваемого показателя в относительном выражении составило более 18 %.

Сопоставим вышеприведенные показатели с аналогичной статистикой за период с 2017 по 2021 г. (напомним, что ст. 158.1 УК РФ введена в июле 2016 г.): в 2017 г. по ч. 1 ст. 158 УК РФ осуждены 44 229 человек, в 2018 г. – 41 902, в 2019 г. – 37 107, в 2020 г. – 34 402, в 2021 г. – 35 901.

¹ Мелкие хищения наиболее часто совершаются путем кражи, поэтому в данной статье решено провести статистическое исследование именно данной формы хищения.

² Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Раздел «Судебная статистика» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cdep.ru/?id=79>

Приведенные данные показывают, что после введения в УК РФ ст. 158.1 количество лиц, осужденных за преступление, предусмотренное ст. 158 УК РФ, значительно сократилось. Так, в 2016 г. по ч. 1 ст. 158 УК РФ было осуждено на 14,4 % меньше в сравнении с 2015 г., в 2017 г. – меньше на 20,8 % (к 2016 г.), в 2018 г. – меньше на 5,3 % (к 2017 г.), в 2019 г. – меньше на 11,4 % (к 2018 г.). В 2020 г. снижение к 2019 г. составило 7,3 %, в 2021 г. – наметился рост рассматриваемого показателя (+ 4,2 % к АППГ).

Приведенные данные обращают на себя внимание не только в абсолютном выражении, но также в части резких ежегодных темпов снижения числа осужденных лиц. При первом приближении данная отрицательная динамика должна свидетельствовать о значительном профилактическом эффекте новых положений УК РФ о мелком хищении. Однако следует учесть, что в 2017 г. по ст. 158.1 УК РФ осуждено 1 259 чел., в 2018 г. – 3 648, в 2019 г. – 5 033, в 2020 г. – 5 773, в 2021 г. – 6 857 человек, что демонстрирует обратные тенденции: ежегодный абсолютный рост числа осужденных и серьезные темпы прироста.

При суммировании числа осужденных лиц по ст. 158 и 158.1 УК РФ соответствующие показатели за 2017–2021 гг. будут выглядеть следующим образом: 2017 г. – 45 488 чел., 2018 г. – 45 550, 2019 г. – 42 140, 2020 г. – 40 175, 2021 г. – 42 758 человек. Здесь нужно отметить, что в данных статистических сведениях учтены крайне незначительные показатели (не влияющие на общую картину) осужденных по ст. 158.1 УК РФ лиц, совершивших мелкое хищение в форме мошенничества, присвоения и растраты (что в разрезе статистики судимых по ст. 158 УК РФ, естественно, не отражается).

Соотнесем вышеприведенные данные (рис. 1), определим некоторые тенденции и гипотезы дальнейшего исследования.

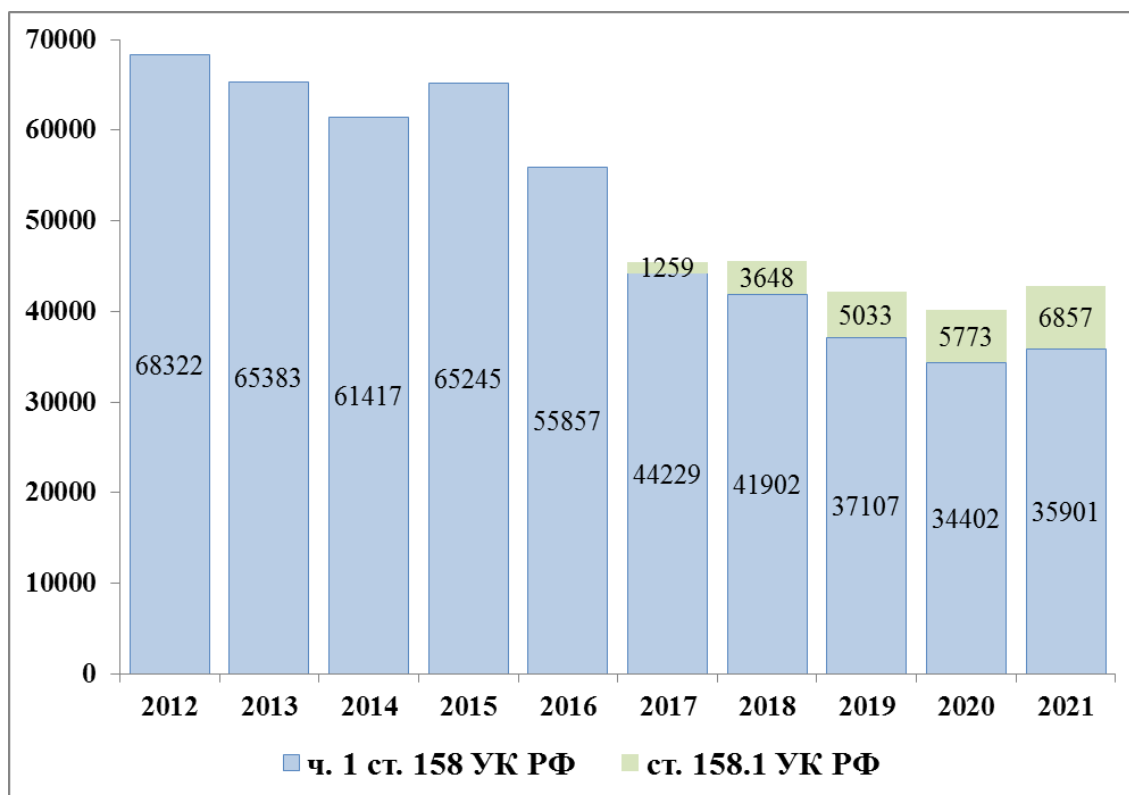

Рис. 1. Данные о числе осужденных лиц по ст. 158, 158.1 УК РФ за период с 2012 по 2021 г.

Fig. 1. Data on the number of convicted persons under Art. 158, 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, for the period from 2012 to 2021

1. Очевидно, что общее количество лиц, осужденных за кражу по ст. 158 УК РФ, резко и значительно снизилось. Внешне это создает впечатление о том, что использованный законодателем механизм дифференциации уголовной ответственности за хищения способствовал снижению контингента судимых лиц за соответствующие преступления. Однако общее количество лиц, осужденных за мелкое хищение, за период с 2017 по 2021 г. демонстрирует значительные показатели роста и темпов прироста. Наблюдается постепенное «перетекание» контингента осужденных из «разряда» ранее судимых по ч. 1 ст. 158 УК РФ, а также по ч. 1 ст. 159–159.6, 160 УК РФ в категорию судимых по ст. 158.1 УК РФ. При этом суммарные с контингентом осужденных в 2017–2021 гг. по ст. 158 УК РФ показатели остаются весьма высокими. Таким образом, одной из гипотез дальнейшего изучения темы является то, что предполагаемый законодателем профилактический потенциал нормы, закрепленной в ст. 158.1 УК РФ, реализован в недостаточной степени.

2. В приведенной статистике в незначительной степени отражены данные о количестве лиц, осужденных за мелкие хищения в форме мошенничества, присвоения и растраты. «Львиную долю» лиц, осужденных по ст. 158.1 УК РФ, составляют лица, совершившие мелкие хищения в форме кражи. Это делает уязвимой позицию законодателя, который решил объединить в понятии мелкого хищения несколько форм хищений, что позволило, с одной стороны, создать «льготные» основания уголовной ответственности лиц, совершающих мелкие хищения в форме кражи, при этом вопрос об основаниях уголовной ответственности лиц, совершающих мелкое хищение в форме мошенничества, присвоения и растраты, оказался решен априорным образом. Данный вопрос также подлежит изучению в рамках дальнейшего исследования.

3. Статистическая картина показывает резкое снижение количества лиц, осуждаемых за кражу по ч. 1 ст. 158 УК РФ. Отражает ли это реальную ситуацию, и позволяет ли утверждать, что достигнут задуманный авторами нововведений профилактический эффект? Поставим данный вывод под сомнение. Дальнейшее исследование нацелено в том числе на то, чтобы оценить степень профилактического воздействия созданных уголовно-правовых норм о мелком хищении, оценить их реальный профилактический потенциал.

Продолжим анализ вышеприведенных тенденций и проверку выдвинутых гипотез. С этой целью обратимся к официальным документам о законопроектной деятельности по созданию рассматриваемых положений.

Идея введения ст. 158.1 в Уголовный кодекс РФ принадлежит Верховному Суду РФ в рамках инициативы по гуманизации и либерализации уголовного законодательства, воплощенной в законопроекте № 953369-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»³.

В соответствии с Пояснительной запиской к законопроекту (далее также – Записка), Верховный Суд РФ указывает, что «в целях установления адекватной ответственности за совершение *незначительных* (курсив наш. – Р.Б., М.Ш.) корыстных правонарушений предполагается принятие комплексных мер по изменению уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях».

³ См. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.07.2015 № 37 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»» // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6>

Далее в Записке и вновь в аспекте целеполагания сказано: «*В целях* (курсив наш. – Р.Б., М.Ш.) реализации принципов справедливости, гуманности и экономии уголовной репрессии законопроектом предлагается увеличить сумму хищения чужого имущества, с которой наступает уголовная ответственность, с одной до пяти тысяч рублей. Для этого в законопроекте, который вносится одновременно с данным законопроектом, предлагается внесение изменений в статью 7.27 КоАП РФ «Мелкое хищение».

Одновременно для обеспечения надлежащей защиты прав собственности в законопроекте предлагается дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации новой статьей 158.1, в которой установить уголовную ответственность за совершение мелкого хищения лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичные действия».

В Записке отмечается, что предлагаемые законопроектом изменения «позволят должным образом реагировать на противоправное поведение лиц, *склонных к систематическому хищению чужого имущества* (курсив наш. – Р.Б., М.Ш.). Соответственно, данная мера обеспечит профилактику такого рода правонарушений». Особо оговорено, что такие изменения «не касаются групповых и иных квалифицированных форм кражи (заметим, что про мошенничество, присвоение и растрату не сказано – прим. Р.Б., М.Ш.), которые по-прежнему будут влечь уголовно-правовые последствия для виновных. В случае реализации положений данной части законопроекта из-под действия уголовного закона может быть выведено порядка 100 тысяч лиц».

На основании изложенных доводов Верховный Суд РФ предложил определить уголовно наказуемое мелкое хищение следующим образом: «**Мелкое хищение чужого имущества, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение либо имеющим судимость хотя бы за одно из преступлений, предусмотренных статьями главы 21 УК РФ, за исключением преступления, предусмотренного статьей 168 УК РФ**» (выделено нами. – Р.Б., М.Ш.).

Уточним, что данное понятие мелкого хищения было дано в изначальной редакции законопроекта. Однако по итогам его рассмотрения мелкое хищение оказалось определено в УК РФ иначе: «**Мелкое хищение чужого имущества, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное частью 2 статьи 7.27 КоАП РФ**» (выделено нами – Р.Б., М.Ш.).

При сопоставлении несложно увидеть существенные отличия (рис. 2).

Таким образом, можно сделать следующие основные выводы.

Первое. Одна из декларируемых инициатором законопроекта целей – цитируем: «адекватность ответственности за незначительные корыстные правонарушения».

Обращает на себя внимание тезис об адекватности ответственности. Действительно, что имеется в виду под адекватностью ответственности?

Здесь весьма кстати обратиться к Постановлению Конституционного Суда РФ от 08.12.2022 № 53-П «По делу о проверке конституционности п. 1 примечаний к ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Тихоокеанского флотского военного суда»⁴.

Так, в абз. 5 п. 2 данного Постановления указывается следующее: «Определяя меры уголовно-правовой защиты всех форм собственности, законодатель должен исходить из требования *адекватности* (курсив наш. – Р.Б., М.Ш.) этих мер и их последствий тому вреду, который причинен в результате правонарушения». При этом важно отметить, что в этом же Постановлении (абз. 4 п. 2) Конституционный Суд РФ вновь сформулировал свою позицию о том, какой смысл вкладывается в категорию «вред, причиненный хищением»⁵.

⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2022 № 53-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Тихоокеанского флотского военного суда» // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

⁵ Данную позицию Конституционный Суд РФ ранее уже высказывал. – См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений ста-

ПОНЯТИЕ «МЕЛКОЕ ХИЩЕНИЕ»		
	в изначальной редакции законопроекта	в итоговой законодательной редакции
1.	Субъект преступления подвергнут административному наказанию за мелкое хищение чужого имущества без указания нижнего предела его стоимости.	Субъект преступления подвергнут административному наказанию за мелкое хищение чужого имущества с нижней стоимостной границей свыше 1000 рублей.
2.	Верхняя граница уголовно наказуемого мелкого хищения – 5000 рублей.	Верхняя граница уголовно наказуемого мелкого хищения – 2500 рублей.
3.	Альтернативный специальный субъект – лицо, имеющее судимость хотя бы за одно из преступлений, предусмотренных статьями главы 21 УК РФ, за исключением преступления, предусмотренного статьей 168 УК РФ.	Данный признак не предусмотрен.

Рис. 2. Сравнительная таблица положений об уголовной ответственности за мелкое хищение, предложенных в законопроекте и закрепленных в УК РФ

Fig. 2. Comparative table of the provisions on criminal liability for petty theft proposed in the draft law and enshrined in the Criminal Code of the Russia

Так, вред, причиненный хищением, складывается из:

- 1) вреда, причиненного собственнику или иному законному владельцу имущества, который оценивается в уголовном законе исходя из того, кому причинен такой вред – физическому или юридическому лицу;
- 2) размера похищенного имущества.

Иными словами, стоимость (размер) похищенного имущества – не единственный критерий оценки вреда, причиненного хищением. Следовательно, не единственный критерий определения адекватности или неадекватности мер уголовной ответственности за данные преступления. В рассмотренном законопроекте речь безапелляционно идет лишь об одном критерии – размере похищенного.

Следует обратить внимание на фразу «незначительные (читай – почти невинные. Прим. Р.Б., М.Ш.) корыстные правонарушения», к которым по мысли разработчика законопроекта было предложено отнести: однократно совершенные кражу имущества стоимостью свыше 1000 рублей до 5000 рублей, а также мошенничество во всех его разновидностях, присвоение и растрату имущества аналогичной стоимости.

Как видно, «незначительность» таких деяний определена априорным образом: стоимость похищенного более 1000, но не свыше 5000 рублей. Весьма кстати здесь видится привести дискуссию, которая возникла в дальнейшем среди депутатов. При рассмотрении законопроекта в первом и во втором чтениях мнения разделились.

Так, депутат В. А. Поневежский в ходе обсуждения назвал «вполне обоснованным» предложение об увеличении пороговой суммы мелкого хищения до 5 000 рублей. В солидарность с ним выступал А. С. Кропачев, который заявил, что «государство должно дать возможность человеку, который оступился впервые, осознать свой проступок, сделать выводы. Если человек выводы не сделает, и будет продолжать совершать хищения, то закон должен быть суров по отношению к такому человеку».

ть 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

Н. Ф. Рябов, в свою очередь, высказался об увеличении пороговой суммы мелкого хищения до 5 000 рублей и привел в пример работницу детского сада, для которой сумма в 5 000 рублей является существенной. По его мнению, которое поддержали и другие депутаты, «декриминализация хищений в сумме 5 000 рублей ставит в уязвимое положение лиц с невысоким доходом, которых уголовный закон перестает защищать, поскольку злоумышленник при хищении значительной для потерпевшего суммы подлежит привлечению лишь к административной ответственности»⁶.

В результате обсуждения законодатели пришли к компромиссу: увеличить сумму мелкого хищения до 2 500 рублей.

Оставим в стороне вопрос о том, как были установлены стоимостные границы «незначительных» хищений, но выразим уверенность в том, что критерии для оценки ущерба, причиненного мелкими мошенничеством, присвоением и растратой, должны были стать самостоятельным предметом аргументации и рассмотрения.

Второе. Провозглашая целями законопроекта экономию уголовной репрессии и выведение из-под действия уголовного закона порядка ста тысяч лиц, Верховный Суд РФ вводит уголовную ответственность за повторно совершенное правонарушение (мелкое хищение), криминализируя тем самым административно наказуемое деяние. Весьма неоднозначное проявление принципа экономии уголовной репрессии. На деле криминализация мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию, противоречит цели законопроекта об экономии уголовной репрессии, устанавливает ответственность за деяние, ранее относящееся к административному правонарушению, и фактически ведет к росту числа лиц, имеющих судимость.

Что касается «выведения», то вышеприведенные статистические данные о судимости, с одной стороны, свидетельствуют о сокращении контингента осужденных по ч. 1 ст. 158 УК РФ, но при этом отчетливо заметно, что категория осужденных по ч. 1 ст. 158 УК РФ постепенно «перетекает» в другую категорию лиц, судимых по ст. 158.1 УК РФ. Другими словами, далеко не все предполагаемые сто тысяч оказались и оказываются за пределами уголовной юрисдикции.

Третье. Еще одна декларируемая цель – предлагаемые законопроектом изменения позволят должным образом реагировать на противоправное поведение лиц, *склонных к систематическому хищению чужого имущества* (курсив наш. – Р.Б., М.Ш.). Соответственно, данная мера обеспечит профилактику такого рода правонарушений.

Полагаем, что данная декларативная цель – наиболее уязвима для критического взгляда. Приведем лишь один аргумент: каким образом разработчик законопроекта планировал обеспечить «должное реагирование» на систематических расхитителей, предлагая в изначальной редакции законопроекта признавать субъектами уголовно наказуемого мелкого хищения лиц, имеющих судимость за любое из преступлений главы 21 УК РФ (за исключением ст. 168 УК РФ), включая разбой и вымогательство? Весьма противоречиво выглядит ситуация, когда для лиц, судимых за имущественные преступления, включая тяжкие и особо тяжкие, создаются положения УК РФ, предусматривающие за их дальнейшие систематические хищения льготные основания уголовной ответственности (ст. 158.1 УК РФ).

Таким образом, проведенный анализ предложенных Верховным Судом РФ нововведений, с точки зрения соотношения задекларированных целей и полученных в результате фактических смыслов соответствующих уголовно-правовых норм, показывает их неполное соответствие, следствием чего является недостаточный профилактический эффект уголовно-правовой нормы о мелком хищении.

⁶ См. Стенограммы рассмотрения законопроекта № 953369-6 в первом и втором чтениях // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6>.

Список литературы

1. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Раздел «Судебная статистика» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cdep.ru/?id=79>
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.07.2015 № 37 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»» // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6>
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2022 № 53-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Тихоокеанского флотского военного суда» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
5. Стенограммы рассмотрения законопроекта № 953369-6 в первом и втором чтениях // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6>

References

1. Official website of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. Section “Judicial statistics” [Online]. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (accessed on: 22.12.2022).
2. Plenary Ruling of the Supreme Court dd 31.07.2015 No. 37 “On submitted of Draft federal laws to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation ‘On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the improvement the grounds and procedure for exemption from criminal responsibility’ and ‘On Amendments to individual legislative acts of the Russian Federation’ in connection with the adoption of the Federal Law ‘On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation’ on the improvement the grounds and procedure for exemption from criminal responsibility”. System of ensuring legislative activity [Online]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6> (accessed on: 22.12.2022).
3. RF Constitutional Court Ruling No. 53-P of December 08, 2022 “In the case concerning the review of the constitutionality of paragraph 1 of the notes to article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation, in connection with a request by the Pacific Fleet Military Court”. Reference Legal System “Consultant Plus” [Online]. URL: www.consultant.ru (accessed on: 22.12.2022).
4. RF Constitutional Court Ruling No. 32-P of December 11, 2014 “In the case concerning the review of the constitutionality of the provisions of article 159.4 of the Criminal Code of the Russian Federation, in connection with a request by Salekhard City Court of the Yamal-Nenets

- Autonomous District”. Reference Legal System “Consultant Plus” [Online]. URL: www.consultant.ru (accessed on: 22.12.2022).
5. Transcripts of the consideration of draft Law No. 953369-6 in the first and second readings. System of ensuring legislative activity [Online]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6> (accessed on: 22.12.2022).

Информация об авторах

Роман Николаевич Боровских, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Новосибирского государственного университета

Михаил Юрьевич Шатохин, преподаватель кафедры уголовного права Новосибирского юридического института (филиала) Томского государственного университета

Information about the Authors

Roman N. Borovskikh, Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics (Novosibirsk, Russia)

Mikhail Yu. Shatokhin, Lecturer of the Department of Criminal Law

*Статья поступила в редакцию 22.12.2022;
одобрена после рецензирования 27.01.2023; принята к публикации 24.03.2023*

*The article was submitted 22.12.2022;
approved after reviewing 27.01.2023; accepted for publication 24.03.2023*

Научная статья

УДК 343.15

DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-61-67

Развитие системы проверочных производств в уголовном процессе России

Михаил Евгеньевич Нехороших

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Новосибирск, Россия

mihaneh_92@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены основные этапы развития системы проверочных производств в уголовном процессе России с 1864 г. по настоящее время. Для каждого исторического этапа сформулированы наиболее существенные признаки, характеризующие инстанционную связь и основные черты проверочных производств. В заключение изложены предложения по дальнейшему совершенствованию системы современных российских проверочных производств, исходя из тенденций развития уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова

проверочные производства, инстанционная связь, апелляция, кассация, надзор

Для цитирования

Нехороших М. Е. Развитие системы проверочных производств в уголовном процессе России // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 1. С. 61–67. DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-61-67

Development of a System of Verification Proceedings in the Criminal Procedure

Mikhail E. Nekhoroshikh

Novosibirsk State University of Economics and Management

Novosibirsk, Russian Federation

mihaneh_92@mail.ru

Abstract

The article considers the main stages in the development of the system of verification proceedings in the criminal process of Russia from 1864 to the present. For each historical stage, the most significant features are formulated that characterize the instance connection and the main features of verification proceedings. In conclusion, proposals are made for further improvement of the system of modern Russian verification proceedings, based on the trends in the development of criminal procedural legislation.

Keywords

verification proceedings, instance connection, appeal, cassation, supervision

For citation

Nekhoroshikh M. E. Development of a System of Verification Proceedings in the Criminal Procedure. *Juridical Science and Practice*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 61–67. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-61-67

© Нехороших М. Е., 2023

ISSN 2542-0410
Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 1
Juridical Science and Practice, 2023, vol. 19, no. 1

Исследование вопросов становления и развития системы проверочных производств в уголовном процессе представляется актуальным в настоящее время, поскольку на протяжении более десяти лет (с 2010 г. по настоящее время) продолжается реформирование этой системы. До настоящего времени нельзя сказать, что данная реформа завершена, поскольку существующую систему проверочных производств невозможно признать в полной мере эффективной. В связи с этим анализ истории развития системы проверочных производств позволит наметить пути дальнейшей модернизации инстанционной связи между апелляцией, кассацией и надзором в уголовном процессе России.

Возникновение системы проверочных производств в уголовном процессе следует связывать с принятием судебных уставов 1864 г. Несмотря на то что институт проверки приговоров существовал и в более ранние периоды и регулировался более ранними нормативными актами, именно системы проверочных производств с инстанционной связью между отдельными производствами так и не сложилось.

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. [4] (далее – УУС) система проверочных производств включала две инстанции: апелляцию и кассацию. В апелляционном производстве проверялись неокончательные и не вступившие в законную силу приговоры. Суду апелляционной инстанции разрешалось проведение следственных действий, таких же, как и суду первой инстанции, для проверки правосудности постановленного приговора. По результатам проверки обжалованного судебного решения суд апелляционной инстанции выносил приговор.

Приговоры судов апелляционной инстанции считались окончательными и могли быть пересмотрены только в кассационном порядке. При этом между апелляцией и кассацией предусматривалась жесткая инстанционная связь: если приговор не был обжалован стороной в апелляционном порядке, то подача кассационной жалобы не допускалась, за исключением случаев, когда приговор был изменен судом апелляционной инстанции (ст. 907 УУС).

В кассационном порядке проверка осуществлялась в кассационных департаментах Сената. В суде кассационной инстанции не допускалось проведения никаких следственных действий, приговор проверялся лишь по материалам уголовного дела. При этом Сенат не был наделен полномочием по вынесению новых приговоров, а при выявлении нарушений законов мог лишь по общему правилу отменить приговор и направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Указания Сената считались обязательными, и если нижестоящий суд при повторном рассмотрении уголовного дела выполнил их, то приговор не мог быть обжалован вновь по этим мотивам (ст. 930 УУС).

После исчерпания возможностей апелляционного и кассационного обжалования приговор вступал в законную силу и, как правило, не подлежал дальнейшему пересмотру или обжалованию. Исключение было сделано лишь для возобновления уголовных дел, которое было возможно при наличии сведений о каких-либо фактических обстоятельствах, которые означали неправильность разрешения уголовного дела по существу (ст. 934–940 УУС).

Кроме закрепленной в УУС системы проверочных инстанций действовала еще особая форма исправления судебных ошибок. Данная форма в научной литературе иногда называлась надзором [5, с. 527–530] и применялась в случае, если вышестоящему суду становилось известно о допущенных нижестоящим судом нарушениях закона. Причем эти нарушения закона должны были затрагивать публичные интересы, и в этом случае вышестоящий суд мог отменить незаконный приговор (ст. 250 Учреждения судебных установлений).

Таким образом, описывая систему проверочных производств, сложившуюся в результате судебной реформы 1864 г., можно выделить следующие ее существенные признаки:

1) в системе проверочных производств отчетливо выделялись обычные (ординарные) проверочные производства и исключительные (экстраординарные) проверочные производства. К первой группе относились апелляционное и кассационное производство, поскольку они начинались исключительно по волеизъявлению сторон, были ограничены определенным сроком и лишь после истечения этого срока приговор считался вступившим в законную силу;

2) между апелляцией и кассацией как способами проверки не вступившего в законную силу судебного решения существовало четкое разграничение по объекту проверки (перечню судебных решений, которые могли быть проверены в каждой инстанции), предмету проверки (тех требований к судебным актам, которые проверялись в каждой инстанции) и инстанционной связи: как правило, в кассационной инстанции проверялись именно приговоры, вынесенные судом апелляционной инстанции;

3) после вступления судебного решения в законную силу исключалась всякая возможность его дальнейшего обжалования, однако в случае если были допущены наиболее существенные нарушения закона, они могли быть исправлены по инициативе вышестоящих судов в так называемом надзорном порядке, который не получил официального закрепления, но который можно считать своеобразным экстраординарным проверочным производством.

Следующий этап развития системы проверочных производств в уголовном процессе связан с Октябрьской революцией 1917 г. и изменением судебной системы советского государства. Большевицкое законодательство сразу решительно отказалось от апелляционной инстанции как способа исправления судебных ошибок, поскольку, как отмечалось советскими учеными, суд апелляционной инстанции только принижает значение, роль и ответственность суда первой инстанции при вынесении правосудных приговоров [3, с. 40–41].

Но отказ от суда апелляционной инстанции не означал, что советское законодательство исключало всякую возможность проверки приговора, вынесенного судом первой инстанции. Уже в Декрете № 1 «О суде» упоминалось, что допускается кассация приговоров. Однако конкретной правовой регламентации деятельности вышестоящего суда по проверке не вступившего в законную силу приговора в этом акте не содержалось. Оно было закреплено в последующих актах о судебной власти и окончательно оформилось в уголовно-процессуальном законодательстве. Суд кассационной инстанции мог проверять законность и обоснованность приговора, справедливость назначенного наказания. В кассационном производстве не допускалось проведение следственных действий, проверка приговора осуществлялась лишь по письменным материалам.

После окончания кассационного производства или истечения срока на кассационное обжалование приговор вступал в законную силу, и дальнейшая его проверка осуществлялась только в надзорном порядке. Причем новый судебный надзор воспринял существенную особенность дореволюционного надзора – его возбуждение не зависело от воли сторон. Именно поэтому ни советское законодательство, ни судебная практика, ни доктрина никогда не считали надзорный порядок третьей инстанцией. Так, например, М. С. Строгович писал: «Надзорная же инстанция не есть третья судебная инстанция, которую дело проходит в порядке своего обычного процессуального движения, она проверяет дело только тогда, когда по вступлении приговора в законную силу уполномоченное на то должностное лицо найдет необходимым пересмотреть вступивший в законную силу приговор» [3, с. 259].

Поводом для начала производства в суде надзорной инстанции выступал надзорный протест, принесенный соответствующими должностными лицами прокуратуры и судов. Кроме того, в надзорном производстве проверка могла осуществляться неоднократно, начиная с президиумов верховных судов субъектов, входящих в федеративные республики, заканчивая Пленумом Верховного Суда Союза ССР, что нельзя признать в полной мере эффективным.

Итак, советский период развития системы пересмотра приговоров продемонстрировал как наличие общих тенденций с дореволюционным периодом, так и создание новых особых институтов. Советская модель кассации представляет собой, по сути, гибрид дореволюционных апелляции и кассации. У апелляционной формы обжалования советским законодателем был заимствован предмет проверки и основания отмены приговора, а у кассационной – правовые средства и выносимые процессуальные решения. Институт советского надзора также представлял собой гибрид дореволюционного института надзора (по форме возбуждения процедуры надзорного производства) и советской кассации. Учитывая вышесказанное о советской

кассации, можно заключить, что институт пересмотра вступивших в законную силу приговоров в порядке надзора представляет собой совокупность признаков дореволюционного надзора, апелляции и кассации. Иными словами, советская система инстанций, безусловно, оригинальная по своему содержанию, имеет основания своего возникновения в институтах, впервые созданных судебными уставами.

Таким образом, следует выделить следующие наиболее существенные признаки советской системы проверочных производств в уголовном процессе:

1) советский законодатель отказался от двухинстанционной системы проверки судебных решений до их вступления в законную силу: приговоры проверялись однократно в кассационной инстанции. При этом советская кассация объединила признаки дореволюционной апелляции и кассации: проверке подлежала не только законность приговора (как в классической кассации), но также обоснованность и справедливость, однако приговор проверялся исключительно по письменным материалам уголовного дела без непосредственного исследования доказательств;

2) после вступления в законную силу приговор мог быть проверен только в надзорном производстве, но как такового надзорного обжалования не существовало, поскольку надзорное производство возбуждалось только посредством принесения надзорного протеста должностным лицом органа прокуратуры или судов. В надзорном производстве проверялись те же требования к приговору, что и в кассационном (законность, обоснованность и справедливость), а проверка осуществлялась так же, как и в кассационном производстве – исключительно по письменным материалам дела. Несомненным преимуществом советского надзора по сравнению с дореволюционным следует признать то, порядок надзорного производства был урегулирован подробно уголовно-процессуальным законодательством. Вместе с тем нельзя не отметить, что посредством такого урегулирования закрепились возможности многократной проверки приговора, уже вступившего в законную силу, при этом такая проверка не была первоначально ограничена никаким сроком.

События конца XX века по кардинальному изменению правовой системы не могли не затронуть и уголовный процесс, изменив не только его принципы, но и рассматриваемую систему инстанций. В свое время еще Концепция судебной реформы [2] ориентировала на полный отказ от советских институтов кассации и надзора и возвращение к дореволюционной апелляции и кассации. Однако соответствующие изменения в законодательство не были внесены как в 90-х гг. XX века, так и не нашли свое отражение в первоначальной редакции УПК РФ. Но это не значит, что система инстанций осталась такой же.

Прежде всего, в связи с введением института мировых судей, в УПК возродилась апелляционная инстанция. Причем она характеризовалась теми же основными чертами, что и дореволюционная. Но ее возрождение оказалось ограниченным – апелляционному пересмотру подлежали лишь приговоры мировых судей, согласно ч. 1 ст. 467 УПК РСФСР, ст. 361 УПК РФ. Приговоры федеральных судов до вступления их в законную силу все также проверялись в кассационном порядке, согласно ч. 1 ст. 325 УПК РСФСР, ч. 3 ст. 355 УПК РФ. Основные черты кассационного производства остались теми же, что и в советское время: в кассации проверялись законность, обоснованность и справедливость приговора, причем проверка осуществлялась исключительно по письменным материалам уголовного дела. Иными словами, с 2000 г. в российском уголовном процессе параллельно действовали две судебные инстанции, которые считались вторыми (апелляция и кассация), и различались они лишь по правовым средствам проверки обжалованного приговора и выносимым процессуальным решениям.

Наиболее существенно, как представляется, был изменен надзорный порядок пересмотра приговоров, но эти новации коснулись, в основном, процедуры возбуждения надзорного производства. Суть этих изменений заключалась в закреплении в законе возможности и процедуры обжалования приговора, вступившего в законную силу. В новом законе было прямо указано,

что решение о возбуждении надзорного производства принимает судья надзорной инстанции по результатам изучения принесенной надзорной жалобы или представления.

Таким образом, на начальном этапе развития современной российской системы проверочных производств можно выделить следующие наиболее существенные признаки:

1) не вступившие в законную силу судебные решения, как и в дореволюционном законодательстве, могли пересматриваться в апелляционном и кассационном производстве. При этом суд апелляционной инстанции осуществлял проверку посредством производства повторного судебного следствия (по общему правилу), суд кассационной инстанции, в свою очередь, осуществлял проверку исключительно по письменным материалам дела. Однако предмет проверки был одинаков в апелляционном и кассационном производствах – проверке подлежали требования законности, обоснованности и справедливости;

2) в отличие от дореволюционного законодательства последовательная проверка в апелляционном и кассационном производстве предусматривалась только для приговоров мировых судей. Приговоры остальных судов до их вступления в законную силу пересматривались исключительно в кассационном производстве один раз;

3) после вступления в законную силу судебные решения могли быть обжалованы в надзорном порядке. В зависимости от уровня суда первой инстанции предусматривалась возможность неоднократной проверки судебных решений в надзорном производстве: в президиумах верховных судов республик, областных, краевых судов, судов городов федерального значения, судов автономных округов, суде автономной области, окружных (флотских) военных судов; затем в судебных коллегиях Верховного Суда Российской Федерации; вышестоящей надзорной инстанцией выступал Президиум Верховного Суда Российской Федерации.

Следует признать, что сложившуюся систему проверочных производств в России до 2010 г. нельзя признать равномерной, поскольку приговоры разных судов пересматривались неоднократно в разных судебных инстанциях. Так, например, приговоры мировых судей могли быть проверены в апелляционном производстве, в кассационном производстве и трижды в надзорном производстве. Приговоры же областных судов могли быть проверены или в кассационном производстве и однократно надзорном производстве, или дважды в надзорном производстве, если они не были обжалованы в кассационном порядке. Такой порядок обжалования не обеспечивал в должной мере равные возможности защиты прав участников процесса, поскольку количество возможных проверок судебных решений зависело не только от желания участников процесса, но и от уровня суда, вынесшего обжалуемое решение по первой инстанции.

Сложившееся положение критиковалось и в научной литературе, например, Л. В. Головкин: «В России складывается, на наш взгляд, парадоксальная ситуация, когда, чем менее тяжким и опасным является преступление и легким наказанием, тем большее число инстанций проходит дело. Дела, рассмотренные мировыми судьями, с наказанием, допустим, в виде штрафа или «каких-нибудь» исправительных работ, подлежат пересмотру в порядке апелляции, кассации, и дважды еще можно обратиться с жалобой в порядке надзора (ст. 403 УПК РФ), т. е. речь идет о четырех судебных инстанциях. А если лицо осуждено к пожизненному лишению свободы, то надеяться ему следует лишь на кассацию и на одно обращение с надзорной жалобой (та же ст. 403 УПК РФ), т. е. на две (кроме первой) судебные инстанции» [1, с. 60].

В связи с описанными недостатками в 2010 г. была начата реформа системы проверочных производств, которую нельзя считать завершенной и сейчас. В частности, последние поправки, связанные с изменением инстанционной связи между апелляцией и кассацией, вступили в законную силу только в декабре 2022 г., а новые правила о сроке апелляционного обжалования начали действовать с января 2023 г. В настоящее время существующую систему проверочных производств можно охарактеризовать следующим образом:

1) любое итоговое или промежуточное решение (за исключением тех промежуточных решений, которые проверяются только вместе с итоговыми) суда первой инстанции может быть обжаловано в суд апелляционной инстанции в течение 15 суток с момента его постановления,

после чего оно вступает в законную силу. В апелляционном производстве проверяются все требования к судебным решениям: законность и обоснованность, а для приговоров – дополнительно справедливость;

2) вне зависимости от того, было ли судебное решение обжаловано в апелляционном производстве или нет, у заинтересованных лиц после вступления судебного решения в законную силу сохраняется право обратиться с кассационной жалобой. При этом, по общему правилу, каждое судебное решение может быть обжаловано в кассационной инстанции дважды: сначала в порядке сплошной, а затем в порядке выборочной кассации. Исключение сделано только для промежуточных судебных решений и судебных решений, которые не были обжалованы в суд апелляционной инстанции: эти решения могут быть проверены в судах кассационной инстанции дважды, но только в порядке выборочной кассации. В кассационном производстве, согласно ст. 401.1 УПК РФ, проверяется исключительно законность приговоров и иных судебных решений;

3) если кассационная жалоба была рассмотрена в Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации или в Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации, то у заинтересованных лиц возникает право обратиться с надзорной жалобой на кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации. В иных случаях обжалование судебного решения в надзорной инстанции невозможно.

Кроме того, нельзя не отметить, что надзорное производство в настоящее время в своих существенных признаках дублирует порядок проверки приговора в порядке выборочной кассации. В связи с этим, как представляется, для наиболее эффективной организации системы проверочных производств следует исключить такое дублирование и предусмотреть, что каждое судебное решение должно проверяться однократно в порядке сплошной или выборочной кассации (в зависимости от того, было ли решение обжаловано в апелляционном порядке), а затем исправление судебных ошибок должно допускаться только в надзорном производстве. Такая организация системы проверочных производств будет соответствовать логике построения судебных инстанций в уголовно-процессуальном законодательстве, поскольку каждая проверочная инстанция будет выполнять свою роль в общей системе проверочных производств.

Список литературы

1. **Головко Л. В.** Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовного-процессуального права // Государство и право. 2002. № 5. С. 51–61.
2. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С. А. Пашин. М.: Республика, 1992. 111 с.
3. **Строгович М. С.** Проверка законности и обоснованности судебных актов. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. 319 с.
4. Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. М.: Юрид. лит., 1991. С. 120–251.
5. **Фойницкий И. Я.** Курс уголовного судопроизводства. Т. 2 / Общ. ред., послесл., примеч. А. В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996. 606 с.

References

1. **Golovko L. V.** New Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in the Context of Comparative Criminal Procedure Law // State and Law. 2002. No. 5. P. 51–61.
2. The concept of judicial reform in the Russian Federation / Comp. S. A. Pashin. M.: Respublika, 1992. 111 p.
3. **Strogovich M. S.** Checking the legality and validity of judicial acts. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1956. 319 p.

4. Charter of criminal proceedings // Russian legislation of the X-XX centuries. Vol. 8. Judicial reform. M.: Yurid. lit., 1991. P. 120–251.
5. **Foinitsky I. Ya.** Course of criminal justice. Vol. 2 / Ed. A. V. Smirnova. St. Petersburg: Alfa, 1996. 606 p.

Информация об авторе

Михаил Евгеньевич Нехороших, кандидат юридических наук

Information about the Author

Mikhail E. Nekhoroshikh, PhD in Law, Novosibirsk State University of Economics and Management

*Статья поступила в редакцию 20.01.2023;
одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 24.03.2023*

*The article was submitted 20.01.2023;
approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 24.03.2023*

Научная статья

УДК 343.9

DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-68-75

Расследование хищений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: обзор криминалистических методик и направления изучения

Роман Александрович Макаров

Омская академия МВД России
Омск, Россия

rmakaroff84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5236-4143>

Аннотация

В статье приводится обзор разработанных к настоящему времени криминалистических методик расследования хищений, в том числе различных видов мошенничества, совершенных с использованием компьютерных технологий. Автором проанализировано содержание данных методик применительно к предмету методики расследования хищений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Определены возможности использования разработанных криминалистических положений в контексте формируемой автором частной криминалистической методики.

Ключевые слова

криминалистика, криминалистическая методика, расследование, хищения, мошенничество, информационно-телекоммуникационные технологии

Для цитирования

Макаров Р. А. Расследование хищений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: обзор криминалистических методик и направления изучения // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 1. С. 68–75. DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-68-75

Investigation of Theft Committed with the Use of Information and Telecommunication Technologies: A Review of Criminalistic Methods and Directions for Studying

Roman A. Makarov

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Omsk, Russian Federation

rmakaroff84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5236-4143>

Abstract

The article provides an overview of the forensic methods developed to date for investigating theft, including various types of fraud committed using computer technology. The author analyzed the content of these methods in relation to the subject of the methodology for investigating theft using information and telecommunication technologies. The possibilities of using the developed forensic provisions in the context of the private forensic methodology formed by the author are determined.

Keywords

criminalistics, forensic methodology, investigations, theft, fraud, information and telecommunication technologies

© Макаров Р. А., 2023

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 1
Juridical Science and Practice, 2023, vol. 19, no. 1

For citation

Makarov R. A. Investigation of Theft Committed with the Use of Information and Telecommunication Technologies: A Review of Criminalistic Methods and Directions for Studying. *Juridical Science and Practice*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 68–75. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-1-68-75

Проблематика противодействия мошенничествам, иным хищениям и другим преступлениям, совершаемым с использованием компьютерной информации, средств сотовой связи, информационно-телекоммуникационных технологий широко освещается в криминалистической литературе [12, с. 33–38; 10, с. 26–28; 20, с. 291–296; 23; 24, с. 108–113; 30, с. 81–86 и др.].

Анализ данной литературы показывает, что имеется значительное число крупных монографических источников, в которых рассматриваются вопросы методики расследования хищений. При этом авторами используются различные наименования применительно к рассматриваемым преступлениям: хищения в сфере компьютерной информации или компьютерных технологий, хищения в сфере информационных (информационно-коммуникационных) технологий, хищения в сети Интернет, хищения с использованием средств сотовой (телефонной) связи, IP-телефонии, хищения с применением информационных банковских технологий, электронных средств платежа и т. д. Здесь укажем, что в данной статье не ставятся вопросы терминологии и, в частности, приемлемости либо неприемлемости тех или иных наименований¹, но предпринята попытка обобщить имеющийся «научный задел» для собственного исследования.

Приведем далее краткий обзор соответствующих научных трудов, выделив несколько направлений исследований.

Первое направление: компьютерные технологии в контексте совершения преступлений в сфере банковской деятельности и иных экономических преступлений.

О. А. Луценко в своей диссертации, выполненной в 1998 г. на тему «Расследование хищений в сфере банковской деятельности», в числе соответствующих «банковских» преступлений выделил: хищения денежных средств при несанкционированном входе в компьютерные сети банков посредством компьютерной техники, а также хищения денежных средств с банковских счетов при проведении операций с пластиковыми карточками [14, с. 44–96].

Таким образом, исследование О. А. Луценко можно указать в числе первых (1998 год!) монографических научных работ отечественных криминалистов постсоветского периода, в котором значительное внимание уделено проблемам расследования хищений с использованием ИКТ. Это особенно примечательно с учетом того, сколь «экзотичными» были данные преступления в 90-х годах прошлого столетия.

В дальнейшем проблематика расследования «банковских» и иных экономических преступлений постоянно находилась в поле зрения криминалистов, в том числе в аспекте хищений с использованием ИКТ. Выделим исследования М. В. Белова [2], Н. А. Даниловой (докторская диссертация) [7], В. И. Отряхина [21], М. А. Неймарк [17], М. Н. Филиппова [26] и многих других специалистов.

Особо отметим диссертационное исследование Г. З. Гаспаряна [5], в котором автор видит закономерным и обосновывает следующее «смещение акцентов»: хищения в сфере банковской деятельности рассматриваются в свете более широкой категории – хищений, совершенных с использованием информационных технологий (в предыдущих исследованиях соотношение данных категорий было противоположным).

Второе направление: использование средств телефонной, сотовой и иной связи для совершения хищений и других имущественных преступлений.

¹ Далее для удобства будем использовать термин «хищения, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ)».

В 2010 г. А. В. Шебалин подготовил диссертационное исследование на тему «Расследование хищений средств сотовой связи», в котором одним из первых на монографическом уровне рассмотрел и раскрыл вопросы криминалистической характеристики данных «высокотехнологичных» хищений (предмет, способы совершения, особенности механизма слеодообразования и др.) [28]. Приведем несколько авторских положений в интересующем нас аспекте.

Автор пишет: «Существенное криминалистическое значение имеют следующие технические характеристики сотового телефона: международный идентификационный номер сотового телефона, который позволяет отождествлять его в сети подвижной радиотелефонной связи с разными персональными идентификационными картами абонентов; наличие на персональной идентификационной карте номера, позволяющего установить ее абонента; запрограммированный в микросхеме персональной идентификационной карты абонента абонентский номер, который позволяет получить сведения об абоненте и его соединениях» [28, с. 8–9]. И далее: «Важное значение при расследовании хищений средств сотовой связи имеет также информация, содержащаяся в автоматизированной системе расчетов подвижной радиотелефонной связи, в которой отражаются сведения о соединениях по абонентскому номеру, сведения о соединениях по абонентскому номеру с указанием базовых станций, сведения о соединениях по базовой станции, сведения о соединениях по международному идентификационному номеру сотового телефона» [28, с. 8–9].

Как можно увидеть, в исследовании А. В. Шебалина, по сути, речь идет о хищениях с использованием ИКТ.

В дальнейшем коллективом криминалистов алтайской научной школы В. К. Гавло было подготовлено издание «Расследование мошенничеств, совершенных с использованием средств телефонной связи» (2013 г.), в котором с позиций криминалистической методики расследования подробно рассмотрены вопросы:

- организации электронных систем, участвующих в механизме слеодообразования при совершении мошенничеств, совершенных с использованием средств телефонной связи;
- механизма преступления и механизма слеодообразования мошенничеств, совершенных с использованием средств телефонной связи;
- организации расследования данных преступлений [4, с. 4–31, 37–42 и др.].

Проблематика расследования мошеннических посягательств, совершенных с использованием средств связи получила развитие в диссертационном исследовании А. А. Нуждина, в котором внимание автора было сосредоточено на мошенничествах со стороны осужденных лиц, содержащихся в учреждениях УИС, путем использования средств сотовой связи [18].

Автор в интересующем нас аспекте анализирует процесс совершения осужденными мошенничества с использованием мобильного телефона, приводит основные способы их совершения: отправление сообщения с просьбой пополнить лицевой счет телефона; набор номера чужого сотового телефона с отключением связи до ее соединения; розыгрыш мобильной лотереи; передача мошенником на абонентский номер потерпевшего информации с целью введения в заблуждение о якобы совершенном его родственником преступлении; раскрывает их содержание, показывает роль в расследовании указанных преступлений [19, С. 15].

В дальнейшем вопросы расследования мошенничеств и иных преступлений с использованием средств сотовой связи подробно рассматривались в диссертациях в контексте тактики получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами как следственного действия и использования его результатов при расследовании преступлений. В данном отношении можно выделить диссертационные исследования Р. А. Дерюгина [8], О. М. Ефремовой [11], В. Ю. Стельмаха [25], А. А. Цыкоры [27] и др. В комплексном выражении вопросы криминалистического изучения средств сотовой связи воплощены в монографическом труде Л. В. Бертовского и А. Б. Максимович [3].

Третье направление: изучение вопросов расследования хищений с использованием ИКТ с позиций криминалистического изучения электронных средств платежа.

В 2011 г. Н. В. Дикова (Н. В. Олиндер) подготовила одно из первых монографических исследований не тему расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем [9]. В данной диссертации, в частности, автором представлен криминалистический анализ электронных платежных средств и систем как предметов преступных посягательств и средств их совершения, а также дана классификация соответствующих преступлений.

В дальнейшем рассматриваемая проблематика разрабатывалась в диссертационных исследованиях А. В. Маилян [16] и С. М. Голятиной [6]. Отметим существенный вклад данных специалистов в развитие темы.

Четвертое направление: изучение хищений с использованием ИКТ в рамках смежных категорий – преступления в сети Интернет, киберпреступления и др.

Одним из первых в таком ключе предложил внимание научной общественности свое диссертационное исследование Р. С. Атаманов (2012 г.) [1]. В данной работе особо отметим сделанную автором большую работу по систематизации научных данных в области использования специальных познаний при расследовании мошенничества в сети Интернет.

В 2016 г. Е. С. Шевченко выполнила диссертационное исследование о расследовании киберпреступлений [29]. Отметим смелое авторское решение выделить как криминалистические категории «киберпреступление» и «киберпространство».

Так, под киберпреступлением автор предлагает понимать «общественно опасное деяние, совершаемое в киберпространстве, посягающее на общественную безопасность, собственность, права человека, другие охраняемые законом отношения, необходимым элементом механизма подготовки, совершения, сокрытия и отражения которого является компьютерная информация, выступающая в роли предмета или средства преступления» [29, с. 9–10].

Под «киберпространством» в криминалистическом аспекте Е. С. Шевченко подразумевает «область взаимодействия информационных систем различного уровня, включающих следующие элементы: компьютер, компьютерные системы, сети (как глобальные, так и локальные), компьютерные программы пользователей, а также данные, циркулирующие в перечисленных элементах» [29, с. 9–10].

В положительном ключе отметим, что в составе вышеуказанных категорий значительное место автор отводит изучению хищений и их расследованию.

Подготовленное также в 2016 г. диссертационное исследование И. Е. Мазурова, как и предыдущее, посвящено методике расследования преступлений, совершенных с использованием интернет-технологий, но предельно сфокусировано на хищения [15]. В данной диссертации подробно рассмотрены вопросы:

- криминалистической характеристики хищений, совершенных с использованием интернет-технологий;
- особенности возбуждения уголовных дел о данных преступлениях;
- особенности первоначального и последующих этапов их расследования;
- специфики тактики следственных действий по делам о хищениях, совершенных с помощью интернет-технологий;
- предупреждения данных хищений.

Аналогичным образом выглядит исследование В. В. Коломинова, акцентированное на расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации [13].

Таким образом, по итогам проведенного анализа удалось выделить несколько основных направлений изучения проблематики расследования хищений, совершаемых с использованием ИКТ. В рамках каждого из этих направлений наблюдается определенная динамика – смещение фокуса внимания исследователей с одних на другие (более современные) аспекты проблемы.

В целом полученная информация позволяет определить несколько перспективных задач дальнейшего изучения избранной темы.

Список литературы

1. **Агаманов Р. С.** Основы методики расследования мошенничества в сети Интернет: специальность 12.00.12: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2012. 82 с.
2. **Белов М. В.** Основы расследования хищений, совершаемых работниками банков с использованием служебного положения: специальность 12.00.09: дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 213 с.
3. **Бертовский Л. В., Максимович А. Б.** Средства сотовой связи как объект криминалистического исследования; Российский университет дружбы народов, Управление федеральной службы судебных приставов по г. Москве. М.: Юрлитинформ, 2019. 168 с.
4. **Бойко Ю. Л., Машлякевич В. А., Шебалин А. В.** Расследование мошенничеств, совершенных с использованием средств телефонной связи: Учеб.-метод. пособие. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2013. 56 с.
5. **Гаспарян Г. З.** Расследование хищений денежных средств, совершенных с использованием информационных банковских технологий: специальность 12.00.12. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2021. 300 с.
6. **Голятина С. М.** Методика расследования хищений электронных денежных средств: специальность 12.00.12: дис. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. 196 с.
7. **Данилова Н. А.** Методика расследования преступлений в сфере банковской деятельности: вопросы теории и практики: специальность 12.00.09: дис. ...канд. юрид. наук. СПб, 2006. 445 с.
8. **Дерюгин Р. А.** Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: тактика следственного действия и использование его результатов при расследовании преступлений: специальность 12.00.12: дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 226 с.
9. **Дикова Н. В.** Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем: специальность 12.00.09: дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 206 с.
10. **Ермаков М. Г.** Проблемные вопросы расследования мошенничества, совершаемого с использованием сети Интернет // Проблемы криминалистической науки, следственной и экспертной практики / Сб. науч. тр. Омск: Омская академия МВД РФ, 2021. С. 26–28.
11. **Ефремова О. М.** Реализация полномочий следователя, направленных на получение и использование компьютерной информации при производстве следственных действий: специальность 12.00.09: дис. ...канд. юрид. наук. Орел, 2021. 225 с.
12. **Жердев П. А., Бондарчук А. С.** Криминалистические и процессуальные аспекты производства следственных действий на первоначальном этапе расследования мошенничества в сфере компьютерной информации // Право и правопорядок: вопросы теории и практики: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. С. Е. Туркулец, Е. В. Листопадовой. Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2018. С. 33–38.
13. **Коломинов В. В., Степаненко Д. А.** Расследование мошенничества в сфере компьютерной информации: теоретические и прикладные аспекты первоначального этапа. М.: Юрлитинформ, 2022. 168 с.
14. **Луценко О. А.** Расследование хищений в сфере банковской деятельности: специальность 12.00.09: дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 1998. 182 с.
15. **Мазуров И. Е.** Методика расследования хищений, совершенных с использованием интернет-технологий: специальность 12.00.12: дис. ...канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2017. 188 с.
16. **Маилян А. В.** Совершенствование методики расследования хищения с использованием электронных средств платежа: специальность 12.00.12: дис. ...канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2021. 245 с.

17. **Неймарк М. А.** Проблемы теории и практики расследований хищений денежных средств в сфере банковского кредитования: специальность 12.00.09: дис. ...канд. юрид. наук. Барнаул, 2006. 245 с.
18. **Нуждин А. А.** Расследование мошенничества, совершенного осужденными в учреждениях УИС с использованием средств сотовых систем подвижной связи: специальность 12.00.12: дис. ...канд. юрид. наук. Рязань, 2013. 232 с.
19. **Нуждин А. А.** Расследование мошенничества, совершенного осужденными в учреждениях УИС с использованием средств сотовых систем подвижной связи: специальность 12.00.12: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Москва, 2013. С. 25.
20. **Осина Е. М.** Телефонное мошенничество: способы совершения преступления и проблемы расследования // Правовое образование: Сб. науч. ст. Ростов-на-Дону: Ростовский институт Всероссийского государственного университета юстиции, 2021. С. 291–296.
21. **Отряхин В. И.** Методика расследования хищений в сфере банковской деятельности: специальность 12.00.09: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2001. 220 с.
22. **Имаева Ю. Б., Самойлов А. Ю., Афзалетдинова Г. Х., Ермолаева Л. Н.** Первоначальный этап расследования хищений, совершенных с использованием банковских карт и их реквизитов Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ, 2022. 48 с.
23. **Грибунов О. П., Старичков М. В., Шаевич А. А. и др.** Расследование мошенничеств, совершаемых с использованием мобильной связи: Учеб. пособие. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2018. 44 с.
24. **Сезонова Т. В., Чувальникова В. И.** Проблемы расследования мошенничеств, совершенных с использованием сети «интернет» и сотовой связи // Проблемы уголовно-процессуального права и криминалистики: Сб. науч. ст. Орел: Орловский юридический институт МВД РФ, 2021. С. 108–113.
25. **Стельмах В. Ю.** Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами как следственное действие: Монография. Екатеринбург: Уральский юридический МВД РФ, 2014. 209 с.
26. **Филиппов М. Н.** Особенности расследования краж и мошенничеств, совершенных с использованием банковских карт и их реквизитов: Монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 160 с.
27. **Цыкора А. А.** Тактико-криминалистические особенности производства следственных действий, связанных с получением и исследованием информации, передаваемой по техническим каналам связи: специальность 12.00.12: дис. ...канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2013. 221 с.
28. **Шебалин А. В.** Расследование хищений средств сотовой связи: специальность 12.00.09: дис. ...канд. юрид. наук. Барнаул, 2010. С. 12–83.
29. **Шевченко Е. С.** Тактика производства следственных действий при расследовании киберпреступлений: специальность 12.00.12: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2016. 249 с.
30. **Юрина Ю. И.** К вопросу о назначении фоноскопической судебной экспертизы в ходе расследования дистанционных мошенничеств, совершенных с использованием информационных телекоммуникационных сетей // Проблемы криминалистической науки, следственной и экспертной практики: Сб. науч. тр. Омск: Омская академия МВД РФ, 2021. С. 81–86.

References

1. **Atamanov R. S.** Fundamentals of the methodology for investigating fraud on the Internet: specialty 12.00.12: dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Moscow, 2012. 182 p.
2. **Belov M. V.** Fundamentals of the investigation of theft committed by bank employees using their official position: specialty 12.00.09: dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Saratov, 2000. 213 p.

3. **Bertovsky L. V., Maksimovich A. B.** Means of cellular communication as an object of forensic research. Moscow: Yurlitinform, 2019. 168 p.
4. **Boyko Yu. L., Mashlyakevich V. A., Shebalin A. V.** Investigation of fraud committed using telephone communications. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 56 p.
5. **Gasparyan G. Z.** Investigation of theft of funds committed with the use of information banking technologies: specialty 12.00.12: dissertation for the degree of candidate of legal sciences. M., 2021. 300 p.
6. **Golyatina S. M.** Methods of investigating theft of electronic money: specialty 12.00.12: dissertation for the degree of candidate of legal science. Volgograd, 2022. 196 p.
7. **Danilova N. A.** Methods of investigating crimes in the field of banking: questions of theory and practice: specialty 12.00.09: dissertation for the degree of Doctor of Law. St. Petersburg, 2006. 445 p.
8. **Deryugin R. A.** Obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices: tactics of investigative action and the use of its results in the investigation of crimes: specialty 12.00.12: dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Ekaterinburg, 2018. 226 p.
9. **Dikova N. V.** Features of the investigation of crimes committed with the use of electronic means of payment and systems: specialty 12.00.09: dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Saratov, 2011. 206 p.
10. **Ermakov M. G.** Problematic issues of investigating fraud committed using the Internet // Problems of forensic science, investigative and expert practice: Collection of scientific papers / Ed. Ya. M. Mazunin. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. P. 26–28.
11. **Efremova O. M.** Implementation of the powers of the investigator, aimed at obtaining and using computer information in the production of investigative actions: specialty 12.00.09: dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Orel, 2021. 225 p.
12. **Zherdev P. A., Bondarchuk A. S.** Forensic and procedural aspects of the production of investigative actions at the initial stage of investigating fraud in the field of computer information // Law and order: issues of theory and practice: Collection of scientific papers / Eds. S. E. Turkulets, E. V. Listopadova. Khabarovsk: Far Eastern State University of Communications, 2018. P. 33–38.
13. **Kolominov V. V., Stepanenko D. A.** Investigation of fraud in the field of computer information: theoretical and applied aspects of the initial stage. Moscow: Yurlitinform, 2022. 168 p.
14. **Lutsenko O. A.** Investigation of theft in the field of banking: specialty 12.00.09: dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Krasnodar, 1998. 182 p.
15. **Mazurov I. E.** Methods of investigating theft committed using Internet technologies: specialty 12.00.12: dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Rostov-on-Don, 2017. 188 p.
16. **Mailyan A. V.** Improving the methodology for investigating theft using electronic means of payment: specialty 12.00.12: dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Rostov-on-Don, 2021. 245 p.
17. **Neimark M. A.** Problems of the theory and practice of investigating theft of funds in the field of bank lending: specialty 12.00.09: dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Barnaul, 2006. 245 p.
18. **Nuzhdin A. A.** Investigation of fraud committed by convicts in penitentiary institutions using cellular mobile communication systems: specialty 12.00.12: dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Ryazan, 2013. 232 p.
19. **Nuzhdin A. A.** Investigation of fraud committed by convicts in penitentiary institutions using cellular mobile communication systems: specialty 12.00.12: dissertation abstract for the degree of candidate of legal sciences. Moscow, 2013. P. 25.

20. **Osina E. M.** Telephone fraud: ways of committing a crime and problems of investigation // Legal education: collection of scientific articles. Rostov-on-Don: Rostov Institute (branch) of All-Russian State University of Justice, 2021. P. 291–296.
21. **Otryakhin V. I.** Methods of investigating embezzlement in the field of banking: specialty 12.00.09: dissertation for the degree of candidate of legal sciences. M., 2001. 220 p.
22. **Imaeva Yu. B., Samoilov A. Yu., Afzaletdinova G. Kh., Ermolaeva L. N.** The initial stage of the investigation of thefts committed using bank cards and their details. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. 48 p.
23. **Gribunov O. P., Starichkov M. V., Shaevich A. A. et al.** Investigation of frauds committed using mobile communications. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. 44 p.
24. **Sezonova T. V., Chuvalnikova V. I.** Problems of investigating fraud committed using the Internet and cellular communications // Problems of criminal procedure law and criminalistics: Collection of scientific articles / Eds. N. V. Morozova et al. Orel: Lukyanova Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. P. 108–113.
25. **Stelmakh V. Yu.** Obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices as an investigative action: Monograp. Ekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2014. 209 p.
26. **Filippov M. N.** Features of the investigation of thefts and fraud committed using bank cards and their details. Moscow: Yurlitinform, 2014. 160 p.
27. **Tsykora A. A.** Tactical and forensic features of the production of investigative actions related to obtaining and researching information transmitted through technical communication channels: specialty 12.00.12: dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Rostov-on-Don, 2013. 221 p.
28. **Shebalin A. V.** Investigation of theft of cellular communications: specialty 12.00.09: dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Barnaul, 2010. P. 12–83.
29. **Shevchenko E. S.** Tactics of production of investigative actions in the investigation of cyber-crimes: specialty 12.00.12: dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Moscow, 2016. 249 p.
30. **Yurina Yu. I.** On the appointment of phonoscopic forensic examination during the investigation of remote fraud committed using information telecommunication networks // Problems of forensic science, investigative and expert practice / Ed. Ya. M. Mazunin. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. P. 81–86.

Информация об авторе

Роман Александрович Макаров, адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Information about the Author

Roman A. Makarov, postgraduate adjunct at the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Статья поступила в редакцию 11.01.2023;

одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 24.03.2023

The article was submitted 11.01.2023;

approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 24.03.2023

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы!

Журнал «Юридическая наука и практика» (ISSN 2542-0410) выпускается Институтом философии и права Новосибирского государственного университета и распространяется по подписке (подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 11231).

В журнале публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам: «История и теория государства и права», «Конституционное и муниципальное право», «Гражданское и предпринимательское право», «Трудовое право и право социального обеспечения», «Экологическое право», «Гражданский и арбитражный процесс», «Административное и финансовое право», «Уголовное право и процесс, криминалистика», «Международное право» и «Научная жизнь, публикации, рецензии, переводы». Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором в переводе на русский язык.

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из цитат и пересказов ранее опубликованных научных работ. Автор несет ответственность за присутствие в представляемом материале любых форм заимствования. В случае обнаружения не согласующегося с законодательством об авторском праве и смежных правах заимствования материал безусловно отклоняется; дальнейшее сотрудничество журнала с автором прекращается.

Решение редакционной коллегии о принятии статьи к печати или об отклонении сообщается авторам по электронной почте.

Возвращение рукописи на доработку не означает, что статья принята к печати. Доработанный вариант необходимо прислать в редакцию вместе с ее начальной версией, рецензией ответом на замечания рецензента не позднее двух месяцев со дня его отсылки. В противном случае первоначальная дата поступления статьи при публикации не указывается.

После выхода журнала бесплатные (так называемые авторские) номера не предоставляются. Авторы самостоятельно приобретают журнал по розничной цене. Иногородним авторам возможна высылка журнала наложенным платежом по индивидуальной договоренности.

Правила оформления рукописи

Авторы представляют материалы объемом: статьи – 1 п. л., научного сообщения – 0,5 п. л., а рецензии – одной трети печатного листа на русском языке. Текст должен быть набран одним и тем же шрифтом – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов, в формате Word, межстрочный интервал 1,5. Абзацный отступ – 1,25 см. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только по согласованию с редакцией.

В тексте статьи указывается индекс УДК².

ФИО автора, место работы, адрес должны быть указаны на русском и английском языках.

К материалу должны прилагаться аннотация рукописи, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках. Объем аннотации: 1000–1500 знаков с пробелами.

При несоблюдении этого требования редколлегия оставляет за собой право вернуть представленный материал автору без рассмотрения.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются номер источника, указанного в Списке литературы, номер страницы источника (для монографий и периодических изданий). Например: [12, с. 37].

² См. онлайн-справочник УДК: <http://teacode.com/online/udc/34/34.html>

В конце статьи помещается список литературы в порядке цитирования. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). *Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы).*

В конце статьи авторы могут поместить список использованных обозначений и сокращений.

В рукописи статьи на последней странице необходимо указать следующие сведения:

- фамилия, имя, отчество (*полностью*);
- полное наименование организации – основного места работы, город, страна;
- занимаемая должность;
- ученая степень и звание (если есть);
- воинское или специальное звание (если есть);
- e-mail, ORCID (*обязательно*), SPIN и т. п. (если есть), номер мобильного, рабочего и / или домашнего телефона (*данная информация необходима для оперативного взаимодействия редколлегии с автором*).

Образец оформления рукописи

УДК 341.9

Европейское право

Иван Иванович Иванов

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности (если есть)

European Law

Ivan I. Ivanov

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

Основной текст статьи

Список литературы / References

1. **Гладышев С. И.** Исполнительное производство в английском и российском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 28 с.
2. **Gladyshev S. I.** Enforcement proceedings in the English and Russian law. Abstract of dis. ... Cand. of Sciences (Law). Moscow, 2001, 28 p. (in Russ.)
3. **Проскурин С. Г.** Эволюция права в семиотическом аспекте // Вестн. НГУ. Серия: Право. 2008. Т. 4, № 2. С. 11–18.
4. **Proskurin S. G.** Evolution of Law in semiotic aspect. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Law*, 2008, vol. 4, no. 2, pp. 11–18. (in Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Иванов Иван Иванович, кандидат юридических наук, доцент

Ivan I. Ivanov, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

WoS Researcher ID

Scopus Researcher ID

SPIN

Тел.: +7-111-111-11-11

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Институт философии и права
Новосибирского государственного университета
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: +7 (383) 266 73 79

E-mail: jurisprudence@mail.nsu.ru